

Слово воина

Автор:

Александр Прозоров

Слово воина

Александр Дмитриевич Прозоров

Ведун #1

Необдуманно произнесенное заклятие переносит главного героя в мир, для возвращения из которого ему придется изрядно потрудиться мечом и магией в борьбе с силами зла. Первый роман новой серии исторической фэнтези «Ведун».

Александр Прозоров

Слово воина

Аз есмь

В лицо неожиданно пахнуло болотной затхлостью и слабым грибным ароматом, который столь часто витает холодным дождливым летом в подтопленных березняках. И почти сразу руку обожгло раскалившимся крестом.

– Электрическая сила. – Олег ощутил, как по спине, между лопаток, пополз холодок. – Только этого мне и не хватало.

Он осторожно, одними глазами, покосился по сторонам и медленно потянул саблю из ножен. Пока ничего не происходило. В мертвенно-желтом свете луны

мелко дрожали березовые листья, подмигивая серебристыми изнанками; радостно орали лягушки вдалеке; между бело-черными стволами неторопливо расползлся туман.

«Туман. Полнолуние. Болото, – мысленно отметил Олег. – Тройное ква в одном флаконе. При таком раскладе без неприятностей не обойтись».

Утешало только одно: в руках находился уже обнаженный, слегка изогнутый клинок прочной, хорошо отточенной и правильно закаленной сабли, выкованной из коренного листа волговской рессоры. Середин скосил глаза на поднятое к лицу оружие и не без удивления обнаружил на лезвии, возле самой рукояти, два перекрещивающихся слова, вытравленных на полированной стали: «Аз есмь».

В тот же миг слева мелькнула тень – Олег шарахнулся вправо, одновременно поворачиваясь, и увидел летящую прямо в лицо распахнутую змеиную пасть с длинными тонкими зубами, глазами-бусинками над ними и раскрытым капюшоном немного позади. От предчувствия близкой смерти екнуло сердце... И он проснулся.

Пару минут Олег Середин просто лежал, глядя в белый потолок и дожидаясь, пока успокоится бешено колотящееся в груди сердце, потом поднял голову и покосился на календарь. Нет, все правильно. Пятница. Именно ночь с четверга на пятницу наиболее благоприятна для заглядывания в будущее, именно в ночь на пятницу он всегда совершал наговор для вещей снов.

Однако тут всегда таилась коварная заковыка: вещие сны предсказывали не то, чего хочется, а просто какие-то моменты из будущего. Причем далеко не всегда удавалось понять – о чем именно идет речь? То голую девицу увидишь с собачьими клыками, то пьянку вместе с начальником ремзоны. А через пару лет выясняется, что у новой подружки сучий характер, а у мастера родится внук и пить со слесарями он станет на самом деле, без всяких переносных смыслов.

Тут Олег вспомнил еще про немаловажный момент сна, перекатился по тахте, опустил руку вниз и вытащил из-под прикроватного коврика свою саблю. Обнажил клинок.

Да, без сомнения, именно ее он и видел во сне. Тройной дол, начинающийся сантиметрах в пяти от рукояти. Эфес простой – чашка гарды, выкованная из

старого медного подсвечника, тонкая защитная дужка, огибающая наборную рукоять из семи пластиковых дисков всех цветов радуги. Ребята из клуба обычно предпочитают делать рукояти из дерева – но тут Середин пошел на поводу у своего эстетического чувства. Тем более что пластик, равно как и дерево, на солнце особо не греется, в мороз ладонь не холодит. А что пот не впитывает – так Олег не кот, чтобы лапами потеть.

Разница была в одном: никаких букв на клинке не имелось.

– Не было печали...

Середин рывком вскочил, протрусил до ванной, забрался под душ. По голове, плечам, груди ударили прохладные струи, а в голове по-прежнему свербела все та же мысль: «„Аз есмь“ – к чему бы это?» В принципе, формула сия в колдовстве известна и означает вызов потусторонних сил на магический поединок либо требование признать свое главенство. Но то – если заклятие произносит человек, маг. А вот что она может означать на клинке? Противопоставление оружия темным силам? Призыв на помощь местных высших сил? Благословение клинка христианским обрядом?

Вообще-то, похоже. Формула «Аз есмь» церковью признается, написание сделано в виде креста. Чем черт не шутит – а вдруг и вправду это заклинание усилит возможности закаленной стали энергетической подпиткой символа, намоленного за тысячелетия миллионами верующих?

Середин выключил душ, отерся полотенцем, потом достал крем для бритья, намазался и начал старательно скоблиться перед зеркалом одноразовым станком. При виде влажных русых волос, приглаженных к затылку, светло-голубых глаз, чисто вымытого, розового, с едва заметной горбинкой носа, он в очередной раз задумался: а надо ли ему вообще умыться по утрам? Все одно к концу рабочего дня волосы приобретают однообразно серый цвет, брови и ресницы становятся черными, на носу обязательно появляются несколько мазков сажей, на зубах – черная каемка вдоль десны. И каждый день после смены приходится отмываться по полчаса, если не больше. А однажды, когда в парке не оказалось воды, в рейсовом автобусе его приняли за гомика: глаза выглядели щедро покрашенными и тщательно подведенными.

Тем не менее, Олег добрился до конца, почистил зубы, отдельно сполоснул слегка оттопыренные уши – сажа просто обожает налипать на ушные раковины – вернулся в комнату и снова поднес саблю к глазам.

Да, магическая формула христианства так и напрашивалась на свободное место возле эфеса.

Нет, разумеется, Олег не был последователем пророка Исы, как именуют его мусульмане. Больше того, официальная православная церковь называла подобных ему последователей древних языческих учений ведунами, некромантами, сектантами и регулярно проклинала. Но это никогда не мешало магам всех мастей пользоваться как исцеляющими возможностями различных христианских артефактов или молитвенных формул, так и самим проклятием.

Олег усмехнулся, взял с книжной полки освященный в Князь-Владимирском соборе серебряный крестик, приложил его к левой руке чуть выше запястья и аккуратно примотал эластичным бинтом. Кожа сразу ощутила слабое покалывание и теплоту: освященный символ веры противился близости с некрещеным язычником. Ничего, можно и потерпеть. Зато при сближении с другим магом или представителем потусторонних сил крест нагревается еще сильнее, предупреждая своего владельца о возможной опасности. Саблю Середин сунул в черный тубус, туда же закатил шипастый серебряный многогранник, похожий на развернутый во всех плоскостях кубик Рубика, кинул отработавший свое тросик от выключателя сцепления, сверху опустил приготовленные с вечера бутерброды с ветчиной. Потом быстро оделся: футболка, джинсы, «косуха» из толстой черной кожи. Перепоясался ремнем с поясной сумкой, в которой лежали документы и ключи от мотоцикла, прихватил с вешалки в коридоре шлем и быстро сбежал вниз.

Старенький «Иж-Планета» больше не вызывал восхищения у дворовых мальчишек, как в старые добрые времена, зато позволял Олегу быстро передвигаться по городу, легко обгоняя все машины, от «Запорожцев» до «Мерседесов», и не застревая в многочисленных «пробках». До Третьего автобусного парка он домчался всего минут за семь, оставив своего двухколесного «скакуна» под окнами кузни, еще пять минут потратил на переодевание и ровно в восемь тридцать вошел в мастерскую.

– Ну, наконец-то! – Тут же подбежал к нему взмыленный мужик с измазанным чем-то, черным лицом, однако в белой рубашке с галстуком, и протянул толстый

железный прут. – Слушай, согни его здесь и здесь. А тут расплющи. Я потом дырку просверлю и зеркало повешу. Только побыстрее, у меня выезд через полчаса.

– Так сходил бы к сварщикам, – пожал плечами Олег, берясь за лопату. – Они круглые сутки работают.

– Ага, – кивнул мужик. – А потом шов от тряски лопнет и моя полусфера на асфальт грохнется. Лучше целиковый сделать.

Середин вздохнул, подкинул пару лопат угля в еле тлеющий горн, зарыл прут поглубже, включил поддув.

– Подожди несколько минут, сейчас согреется. И последи, чтобы вентилятор не выключился, а то пакет – ник иногда «вылетает».

Водитель кивнул, и Олег, пользуясь возможностью, сбегал к аккумуляторщикам, взял у них в пузырек немного серной кислоты и пару старых пластин. Когда он вернулся, прут уже покраснел – Середин вытянул его клещами, кинул на наковальню, быстро согнул, один из концов расплющил несколькими ударами молота, а заодно пробил чеканом отверстие под крепеж, чтобы человек со сверлами не мучился. Кинул готовый кронштейн в ванночку с водой. Тут как раз подошел другой водитель, которому требовалась монтажка размером с хороший лом для икарусных колес, потом слесари приволокли рессорные листы для проковки, следом явился завхоз с просьбой выковать решетку для газона, да с хорошими остриями, чтобы перелезать боялись. Проклепка крышек КПП, срубание точно таких же клепок со старых коробок, ремонт колесных «корон»... Рабочий день разгорался час за часом, и только когда будильник прозвенел двенадцать, Середин решительно закрыл дверь на задвижку.

Сполоснув руки под краном, Олег открыл свой тубус, достал бутерброды, надкусил один, взял с верстака тигель, набил его переломанными пластинами от аккумулятора, поставил в горн, после чего достал из ящика зеленую свечу, самолично отлитую им из трех церковных, гусиный жир и колер для побелки, смешанный с рысьей шерстью. Обнажил саблю, положил ее на верстак и полуприкрыл глаза, сосредоточиваясь на свече. Сделав пару глубоких вдохов, он мысленно стянул, словно старый плащ, самый верхний энергетический слой своей оболочки, обычно именуемой аурой, сфокусировал его в одной точке возле

фитиля, одновременно бормоча заклятие:

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду на широкую улицу, спущусь под крутую гору, возьму от двух гор камней, растоплю своим словом. Стань камень водой, стань вода камнем. Стань глина плотью, стань плоть глиной. Не бойся ни огня, ни яда, ни злого слова...

Он больше почувствовал, нежели увидел, как воск потек и тяжело капнул на сталь у эфеса, мгновенно застыв тонкой пленкой. Облегченно вздохнув, Олег кинул свечу обратно в ящик, затем выбрал из инструмента тонкое шило и осторожно выцарапал на образовавшейся пленке два слова. Вертикально – «есмь», оставив небольшой промежуток между «е» и «с», горизонтально – «аз», по обе стороны от промежутка. Убедившись, что воск снят до металла, капнул сверху маслянистой серной кислоты, выждал несколько минут, потом сунул саблю под кран: заклятие заклятием, но воск от кислоты может и расплавиться. Дав воде хорошенько смыть опасную жидкость, он стер пальцем воск, поднес клинок к глазам. Все точно: именно такую надпись, словно прогрызенную жучком, он и видел на своем оружии во сне. Вот только стало оно от этого дополнения сильнее? Может, наоборот – перестанет подчиняться хозяину-язычнику?

Середин вздохнул, вогнал клинок в ножны, достал из тубуса тросик и серебряный многогранник. Тут все было просто и понятно: сложив тонкий стальной трос вдвое, Олег просунул его в отверстие, сделанное в середине многогранника, вытянул с другой стороны, опустив в выемку на наковальне. Прихватил клещами тигель, перелил в выемку расплавленный свинец. Отошел, доел бутерброд, взял молот, пару раз хорошенько саданул им возле выемки и потянул трос. Свинцовая чушка, плотно вцепившаяся в размочаленные концы тросика, выскочила наружу. Кузнец стряхнул серебряный грузик на нее, а затем с силой ударил сверху молотом. Свинец мгновенно заполнил отверстие, намертво его заклепав.

Олег опустил молот, просунул руку в петлю получившегося кистеня, огляделся, а потом с размаху ударил им по дюймовой доске, огораживающей ванночку. Доска хрустнула, переламываясь пополам, а когда грузик отскочил – в дереве остались две глубокие выемки.

«Ква, – удовлетворенно кивнул Олег. – Против танка не потянет, но бронежилет расплющит до позвоночника. По улице лучше не носить. Четыре года как с куста, никакой адвокат не поможет».

В дверь постучали. Середин аккуратно сложил оружие в тубус, заткнул его и потянул задвижку на двери.

– Привет пиратам! – вломились в кузню двое слесарей из колесного цеха. – Тебе мечи больше не нужны? А то Стае с директорской «Волги» опять рессору сломал.

– Да хватит с меня и одного, – пожал плечами кузнец. – Вот когда рычаг ломает, тогда зовите. Я из него хороший стилет забачаю.

– Ну, раз так – тогда согни ее нам под прямым углом, резину с дисков срывать.

– Я жрать хочу, ребята, – помотал головой Середин. – Еще только полпервого.

– Два пива. Одно с нас, одно со Стаса. Он новую рессору на колесный цех за это выпишет.

– Так бы сразу и сказали. – Олег затолкал в рот оставшийся бутерброд, напялил рукавицы и кивком указал на горн: – Кладите!

* * *

Первомайская улица, почему-то до сих пор не переименованная, упиралась в заброшенный стадион мясокомбината. Точнее, заброшенный мясокомбинатом, поскольку спорткомплекс не умер, а продолжал более или менее успешно существовать, сохраняя в себе конюшню на двадцать голов, два крытых поля, комплекс тренажерных залов и футбольную площадку с недавно отремонтированными трибунами. Клуб «Остров Буян», зарегистрированный как спортивно-реконструкторский, и располагался в упомянутом комплексе, из которого неведомым образом испарились все тренажеры, но зато сохранились пять прекрасных залов для занятий и несколько административных помещений со старыми письменными столами и даже одним холодильником.

Именно в кабинете с холодильником сидел Ливон Ратмирович, по прозвищу Ворон, – улыбчивый круглолицый старик с длинными, черными как смоль волосами. Имея рост чуть выше полутора метров, объемистый животик и странную привычку сидеть на корточках, наблюдая за тренировками, он порою и вправду напоминал большую птицу – особенно, когда склонял набок голову и удивленно вытягивал бесцветные губы. Даже шаровары и свободные рукава рубашки не могли скрыть, насколько ссохлись за годы конечности старика, но он был отнюдь не так слаб, как казалось на первый взгляд.

Ворон умел стремительно двигаться, наносить точные, неожиданные удары, а ножом, мечом и топором владел просто виртуозно. Однажды, изрядно перепив – что со стариком иногда случалось, – он смеха ради подбил своих учеников на поединок и больше получаса успешно отмахивался полупудовым мечом один против трех. Широкий клинок на протяжении большей части схватки лежал у Ливона Ратмировича то на плече, то на боку, то на колене. Старик не держал меч руками – отбиваясь, он подбрасывал его ногой, толкал всем телом, позволял падать в нужном направлении... В итоге молодые здоровые парни выдохлись первыми и предпочли отступить, растирая уставшие мышцы.

Ворон учил своих последователей не только древнему искусству русского ратного боя, далеко не только... Но лишь тех, кого любил и кого выбирал сам.

– Здравствуй, Ратмирович. – Своего имени учитель почему-то не любил, а потому знающие люди звали его только по отчеству. – Сегодня я пораньше. У нас по пятницам сокращенный рабочий день.

Олег потерял левую руку – при появлении Ворона его крест раскалялся, словно графа Дракулу чуял, – потом открыл свой тубус и вытряхнул на стол полученное от кузовщиков пиво.

– О, бродяга, – обрадовался учитель, – знаешь, чем порадовать старика!

Он поставил бутылки, потом подобрал выкатившийся следом кистень.

– Серебро? Богато живешь! Откуда?

– Заговор на удачу и тридцать лотерейных билетов, – пожал плечами Олег.

– Ох, бродяга, – укоризненно покачал головой Ворон. – Гляди, станешь искать золото, найдешь и мытаря.

– Я не жадный, Ратмирович, – рассмеялся Середин, протянув руку к пиву. – Я только себе на кистень да тебе на...

– А вот это тебе не надобно, – ловко выхватил Ворон бутылку у него из-под руки и поставил в холодильник. Потом открыл другую, сделал большой глоток и сообщил: – Иди в третий зал, там группа второго курса. У них сегодня по теме сеча дружиной. От и объясни отрокам что к чему.

– Яволь, Ратмирович, – с сожалением проводил взглядом пиво Олег. Ничего не поделаешь. Платы за обучение Ворон с любимых учеников не брал, но в их обязанности входило заменять учителя на занятиях, буде такая необходимость возникнет. Раз Ворон сказал – значит, надо заменить. – Щит свой доставать, али клуб обеспечит?

* * *

Когда-то очень давно третий зал считался малым баскетбольным залом, о чем свидетельствовала сохранившаяся на досках разметка и кольцо на стене. Но сейчас здесь толпилось полтора десятка человек в тренировочных костюмах, с деревянными мечами и круглыми фанерными щитами. Середин мысленно отметил, что на девять женщин имеется всего шестеро парней, и покачал головой: куда катится мир? Бабы изучают рукопашный бой, а мужики просиживают задницы за компьютерами и телевизорами. Этак лет через сто женщины начнут выращивать безмозглых самцов на сельских фермах и продавать в магазинах. А патриархат станут изучать в школах по теме «Сказания древности».

– Ну, ратники-молодцы, – вслух скомандовал он, – в одну шеренгу стано-овись!

– Прямо как в армии, – осклабился высокий, коротко стриженный парень в красно-синем костюме из мягкого шелка.

– А то, – ничуть не обиделся Олег. – Как еще можно изучать ратное дело, если не используя военный опыт? Давайте, построились. Значит, для начала

теоретическая часть. В стычке с врагом главная задача каждого пехотинца – это удержать щит. За щитом вы как за каменной стеной, без щита вы стопроцентный труп. Как говаривали древние греки, «со щитом или на щите». Щит – это самое главное ваше достояние. Щит врага – первейшая цель в схватке.

– А как же меч? – Парень явно стремился перед кем-то покрасоваться, задирая незнакомого инструктора.

– Меч нужен только для того, чтобы удерживать щит в правильном положении, – хладнокровно ответил Олег, вызвав тихие смешки в рядах учеников. – Показываю. Берете круглый щит за приколоченную в центре рукоять. Встаете левым боком вперед. Соответственно, один край щита вы подпираете плечом, а другой удерживаете гардой меча. Слегка пригибаетесь. Все. Из-за щита выглядывает только ваша ступня, до которой не достать, потому что нужно нагибаться, и глаза под толстым крепким шлемом. Можно сказать, вы в крепости. Давай, ратник, – кивнул он парню в шелковом костюме. – Попробуй напасть.

– Ага. – Тот явно обрадовался, выступил вперед, покачался из стороны в сторону, словно боксер на ринге, и, взмахнув мечом, ринулся вперед...

– Стоп, – распрямился Середин. – Все, ты труп.

– Почему? – изумился парень.

– Тебя зарезали свои Ударили в спину. Ну-ка, повтори свою атаку.

Парень двинулся в атаку снова, взмахнул клинком...

– Замри! – приказал Олег. – Теперь оглянись. Ты видишь, где находится кончик твоего меча? Там же головы твоих товарищей, которые стоят во втором ряду! Противника ты, может, и не достанешь, но кого-то из своих с такими повадками заколешь точно. А они вряд ли станут дожидаться смерти. Зарежут первыми. Так что возвращайся в строй, а вы все запомните: рубка на мечах – это бредовая фантазия плохо образованных художников и тупоголовых профессоров. На самом деле меч представляет собой нечто среднее между копьём и ножом. Им можно колоть на меньшем расстоянии, чем копьём, и резать на большей

дистанции, чем финкой. И все. А теперь: основы боя в общем строю.

Середин прошелся по залу, оглядывая неровную шеренгу учеников.

– Да, пожалуй, только сегодня вы узнаете, зачем в армии учат равнять строй и ходить в ногу. Давайте вспомним забытые команды. Равняйся... Смирно. Теперь все выставили левую ногу вперед, повернулись полубоком. Подняли щиты. Левый край щита опирается на свое плечо, правый – на левый край щита товарища. Получается двойное ква: прочная несокрушимая стена, за которой каждому гарантирована полная безопасность при условии синхронности движений. Хорошо, что наша милиция пока не додумалась поинтересоваться тактикой римских легионов: любую демонстрацию выносили бы, как трактором. Теперь о мечах. Иногда так случается, что кто-то на пути оказывается слишком умным, давит чуть сильнее, и ваш товарищ справа получается сдвинутым назад. Запомните: вы единое целое, и это не его беда. Это ваша беда. У правого края щита образуется щель. Ваш меч тут же скользит по щиту...

Олег продемонстрировал, как его деревянный клинок чиркнул по краю окантовки, упал вперед и тут же вернулся:

– Вы режете противника через получившуюся щель снизу вверх, куда попадете. Запомните раз и навсегда: меч – это не рубящее оружие. Это колюще-режущий инструмент. Увидели, как враг опустил щит – тут же наносите укол. Щит задран слишком высоко – режете его снизу...

– Запомните, запомните... – опять выступил все тот же неугомонный парень. – Я не понимаю, на хрена нам все это нужно, когда все вокруг стреляют из автоматов и летают на сверхзвуковых истребителях?

– Зачем это нужно? – улыбнулся в ответ Олег. – Я был бы в затруднении, задай этот вопрос какой-нибудь солдат-срочник или присланный по разнарядке танкист. Но вот тебе, ратник, я могу это объяснить совершенно ясно и понятно.

– Ну и зачем? – выпятил грудь и вскинул подбородок парень.

– А затем, – развел руками Середин, – что ты сам пришел к нам в клуб и заплатил три сотни рублей, чтобы тебя научили драться на мечах. Еще вопросы есть?

Парень что-то смущенно промычал и отчаянно зачесал в затылке.

– А раз так, – повысил голос Олег, – то подравняли свои ряды, ратники! Мы начинаем атаку строем.

* * *

В кабинет Ворона он вернулся только через два часа, уселся в кресло и сразу выложил главный вывод, вынесенный из занятия:

– А все-таки, Ратмирович, меч по сравнению с саблей – полная дрянь.

– Хочешь попробовать? – вытянул губы в трубочку старик, склонив голову набок.

– Против тебя? – Середин покачал головой. – Не, Ратмирович. Ты и со шваброй против танка запросто драться можешь. Это не показатель.

– Ладно. – Старик открыл холодильник и достал пиво. – На, охладись. Заслужил.

– Хорошо... – обрадовался Олег, скovyрнул крышку ключом от квартиры и тут же сделал несколько глубоких глотков. – Знаешь, Ратмирович, я иногда начинаю думать: а все наше колдовство – это действительно реальность, или мы это для себя просто навоображали? Вот смотри: я выиграл в лотерею немного денег. С одной стороны, был заговор на удачу, с другой: я ведь тридцать билетов купил! У меня и так неплохая вероятность имелась. Или, допустим, пришла ко мне ночью соседка переспать. Опять же, случилось это после приворота на ветер. Но ведь до этого мы с ней недели две сальными взглядами обменивались! Может, сама и пришла, как только муж в ночную смену отправился?

– Дык, – пожал плечами Ворон, – бросить-то никогда не поздно. Сходи в церковь, покайся, исповедуйся, окрестись, причастись – да и живи как все.

– Как все? – поморщился Олег и прихлебнул пива. – Как все не хочу.

– А почему? – заинтересовался учитель. – Коли пользы-то никакой? Хлопоты одни, расходы. Серебра на кистень полфунта, поди, спалил.

– А вот нравится! – упрямо мотнул головой Середин. – Есть люди, которые марки собирают. Никчемные такие клочки бумажек, причем порченые, которые и на конверт наклеить нельзя. Большие деньги за мусор платят. А есть другие. Альпинистами называются. Эти лезут по никому не нужным скалам без всякого смысла и цели. Гробятся, убиваются – а все равно лезут. Так почему я не могу потратить свободное время и личные деньги на изучение колдовских навыков своих предков и их искусство ратного боя?..

– Хорошо получается? – с плохо скрываемым ехидством перебил Ворон.

– А то! – не стал зря стесняться Олег. – Есть польза, нет – это вопрос другой. От гольфа тоже никакой пользы, а тысячи людей занимаются.

– Лепо, – кивнул старик. – Тогда поиграем. Сюда сейчас Стае и Костя подойдут, они молодые группы ведут сегодня. Вот вы вдвоем и поохотитесь на василиска. Я пошел, минуты три у меня еще есть.

Ворон обогнул стол, заговорщицки ткнул Середина кулаком в грудь и бесшумно выскользнул за дверь.

Вот это развлечение обещало стать интересным... Олег взялся за тубус: перекинул перевязь с саблей через плечо, сунул кистень за ремень. С Вороном в силах и средствах можно не стесняться, его вес равно поранить невозможно.

Открылась дверь, появились ребята, с которыми он семь лет назад начал ходить в первую группу «варягов». Правда, в отличие от Середина, попавшего к старику в шестнадцать, и Стасик, и Константин к тому времени уже успели отслужить срочную, а потому сейчас выглядели вполне солидными мужчинами среднего возраста... И тем забавнее смотрелись они с бердышами и мечами в руках. Точнее, бердыш дополнял костюм-тройку худощавого черноволосого Кости, а щит и меч пребывали в руках низенького лысого Стаса, одетого в джинсы и свитер.

– Хлопцы, Ворон охоту на василиска объявил, – шепотом сообщил Олег. – Ква.

– Поехали, – с готовностью перекинул бердыш из руки в руку Костя.

Видели бы сейчас своего главбуха тетки из его отдела!

Охота против старика имела особую пикантность тем, что мало отличалась от настоящей схватки с нечистью. На Ворона точно так же реагировал крест на руке, его точно так же можно было рубить без оглядки на условности – все одно выкрутится.

Они втроем двигались по коридору, держа наготове обнаженное оружие, и уже через несколько шагов Середин почувствовал жжение у запястья. Он остановился, отвел левую руку в сторону, потом в другую. Приложил палец к губам, кивнул на первый зал, потом рывком распахнул дверь, ворвался внутрь, держа саблю перед собой. Ворон ждал у стены, спокойно сложив руки на груди. На секунду Олег запнулся, чуя в его поведении какой-то подвох, потом шагнул вперед, занося клинок для удара.

– Пум-пум, – постучал ему по плечу Костя. – Убит два раза. Эх, ты, а мы собирались бучу по полной программе устроить.

– Почему? – удивился Олег, точно так же как давеча удивлялся парень на его тренировке.

– Сколько раз тебе говорить, дурья башка, – Ворон приподнялся на цыпочки и постучал ему кулачком по лбу. – Василиск – это не плоть. Это дух. Он взглядом не только убивать, но и подчинять способен. Ты почто спину свою прикрывать поленился? Вот дружки, что слабее по духу и опыту, тебя сзади и зарезали. Что-то совсем ты сегодня плох, бродяга. Не узнаю. Не иначе, порча на тебе. Сглаз пропустил.

– На фиги все это действительно надо? – раздраженно кинул саблю в ножны Олег. – Дурью маемся. Двадцать первый век на дворе. А мы все мечами машем да заговоры нашептываем. Бред. Один хороший автоматчик – и все наши тренировки псу под хвост, вместе с оберегами и талисманами.

– Э-э, бродяга, да ты совсем плох. – Ворон взял ученика жилистыми пальцами за подбородок, повернул к себе лицом, пристально вглядываясь в глаза. – Яду тебе сегодня в сердце капнули. Без злобы, без жестокости. Но попали на старые раны. Не веришь ты в себя, бродяга. Потому и не держишься. – Старик отпихнул его от себя, недовольно фыркнул: – Шесть лет тебя знахарству да ведовству учу,

а тебе все няньки нужны. А ну, отвечай: кто знания хранит?

– Гад ползучий, – буркнул Олег.

– Кто знания стережет?

– Филин лесной.

– Так почто спроситься не можешь? Вот тебе мой сказ, бродяга. Ты знать хочешь, зачем знания и мастерство наши нужны? Так найди этот ответ! И без него ко мне не возвращайся!

Ворон передернул плечами и неожиданно стремительно исчез, как это умел делать только он.

– Ум на халяву, – шепнул ему на ухо Стае и бодренько зашагал к выходу.

Костя же просто бросил сочувствующий взгляд, а потом торопливо отвернулся.

Заклятие мертвого змея

«Ум на халяву» – такое прозвище носил среди учеников Ворона заговор, который позволял получить знание в готовом виде, не зубря какую-то науку, а просто вытребовав ее у хранителей. Или, как принято говорить в последнее время, – «получить напрямую из энергоинформационного поля Земли».

Правда, пользоваться заклинанием Олег не собирался. Во всяком случае, в первый после размолвки с Вороном день. Поначалу он твердо решил раз и навсегда «завязать» со всякого рода черной магией, ритуалами, схватками на мечах и прочей неуместной в современном мире белибердой. Вот только... Трудно стать нормальным человеком, пить водку, таращиться в телевизор и бесцельно носиться по городу на мотоцикле, когда привык каждый вечер на протяжении пяти лет укладывать на ночь рядом с постелью наговоренную саблю, по утрам приматывать к запястью освященный крест и по крайней мере два часа в день проводить в схватках – пусть и учебных – с такими же азартными

ребятами, как и сам. Тоскливо и пусто на душе стало уже на вторые сутки. К тому же... Он изучал магию Ворона почти шесть лет. И вполне естественное любопытство с первой минуты начало грызть душу с другой стороны: получится или нет? Можно ли добыть через заговор вполне осязаемое знание, которое отсутствовало в мозгах раньше?

– Это не для старика, – сказал себе Середин утром в воскресенье. – Просто я хочу знать...

От принятого решения сразу стало легко и спокойно – он спустился к мотоциклу и рванул в зоопарк.

Таня Зорина была первым объектом его приворотных заговоров и присушек. Правда, ни одно из средств не подействовало – по неопытности Олег наделал слишком много ошибок. Но со старшей сестрой своего одноклассника Середин все-таки познакомился. Пусть и не так близко, как хотелось.

Всегда строго одетая, с безупречным каре каштановых волос, женщина работала в зоопарке ветеринаром, что давало ученику старого ведуна уникальную возможность в добывании шерсти волка, когтей орла, помета летучих мышей и прочих ингредиентов, зачастую совершенно неожиданных. Татьяна относилась к магическим опытам знакомого с детства паренька со снисходительностью образованной леди к ужимкам дикаря, что Олега ничуть не обижало: пусть хоть психом считает, лишь бы помогала.

В магазине напротив зоосада Середин купил большую коробку конфет, сходил к метро за букетом роз, после чего отправился к служебному входу. Внутри его пропустили беспрепятственно: не первый раз появлялся, охрана в лицо знала. Олег поднялся на второй этаж, прошел по пахнущему формалином коридору и постучался в стеклянную дверь.

– Да-да, войдите... – Одетая в белый халат женщина подняла глаза на посетителя, посмотрела на выражение его лица, на зажатое в руках подношение, сделала правильные выводы и снова уткнулась в журнал, в который заносила какие-то записи. – Ну, и что нужно нашему чародею на этот раз?

– Танечка, если тебе будет нужно кого-нибудь приворожить или сглазить, – начал Середин, – то я по первому твоему слову и со стопроцентной гарантией...

– Надо, – немедленно согласилась Зорина. – Льва.

Федьку приворожить нужно. Он мне вчера чуть руку не оттяпал, когда укол делала.

– Ква... – растерянно дернул себя за ухо Олег. – Нет, приворожить я, конечно, могу... Э-э-э... Но только тогда при виде тебя он... Э-э-э... Станет вести себя... Э-э-э... Еще более буйно.

– Вот так всегда, – продолжая писать, кивнула Татьяна. – Все вы, мужики, одинаковы. Сперва наобещаете с три короба, а потом в кусты. – Она поставила точку, отложила ручку в сторону и откинулась на спинку стула. – Ну, ладно. Давай, канючь.

– Тань, мне бы перо филина и какую-нибудь змею, дохлую.

– Нет, Олежка, тут тебе не повезло. Перьев, конечно, можно наместить хоть целый мешок, но вот из змей зоопарк изготавливает чучела, так что полоза отдать не могу.

– Какого полоза? – встрепенулся Середин.

– Сдох в пятницу... Я думала, ты как раз его хочешь выпросить.

– А мне шкура не нужна, – торопливо сообщил молодой ведун. – Только тушка. Можно даже не целиком.

– Надеюсь, ты его есть не собираешься? – с подозрением уточнила ветеринар.

– Да перестань, – даже обиделся Олег. – Я тебе, что, бомж бездомный? Просто очень, очень нужно... Ну, это в целях повышения общечеловеческого уровня знаний.

– Ладно, – рассмеялась Зорина. – Коли ради «общечеловеческого уровня знаний», тогда попробую. Убери конфеты в шкаф, цветы поставь в воду. Я в лабораторию схожу. Они образцы тканей брали. Если остальное не выбросили, то принесу.

Женщина поднялась, прошла к выходу, и Середин, проводив взглядом стройную фигурку в коротком накрахмаленном халатике, подумал о том, что не мешало бы сделать приворот на Танечку еще раз. Только теперь без ошибок. И лучше – через еду, так надежнее. Пригласить в кафе, взять пирожное, нашептать его, пока несешь к столику, она съест...

– Ты куда смотришь? – остановилась в дверях ветеринар. – Шкаф находится с левой стороны. У меня в ногах его нет.

Вернулась она спустя минут десять, молча подала плотный белый полиэтиленовый пакет:

– Тебе повезло. В выходные мусор выкидывать некому.

– А перо?

– Ах, да. Ну, пойдем. – Зорина выпустила его из кабинета, закрыла дверь на ключ, провела до птичьих вольеров. – Ну, какой тебе нужен?

– Вот этого, – указал Середин на замершего на макушке высокой раздвоенной палки американского виргинского филина, коричневого, с белой грудкой и высокими «ушами» из черных перьев.

Женщина открыла клетку, подобрала с пола несколько валявшихся там перьев, подняла перед собой и дунула в сторону гостя.

– Ать... – Олег поймал в воздухе пару штук и торопливо сунул в нагрудный карман. – Слушай, Тань, а как ты смотришь, если я приглашу тебя на чашечку кофе?

– Боже упаси! – закрыла клетку Зорина. – Я все время буду думать, не змеиным ли мясом ты меня угощаешь.

– Да просто в кафе посидим!

– Иди-иди! Еще подсыплешь мне порошок из крокодильих когтей. Зачем они тебе могли понадобиться?

– Все равно не поверишь... Коготь крокодила, как известно, необходим для наговора нового замка против взлома.

– Вот потому и иди, – кивнула Таня. Но когда Середин, кивнув на прощание, отошел на несколько шагов, неожиданно окликнула: – Олежка! А за розы спасибо. Кроме тебя, подлизы, никто ведь и не догадается подарить...

* * *

При наличии необходимых ингредиентов выполнение любого обряда – занятие элементарное, как кованый гвоздь. Тушку полоза, похожую на длинную палку ветчинной колбасы, Середин порубил на куски, завернул в фольгу и сунул в духовку. Потом взял пчелиный воск, купленный на рынке, десяток красных декоративных свечей из хозмага. все вместе кинул в металлическую миску и поставил на малый огонь. Пока составляющие растапливались, в несколько раз обернул фольгу вокруг ручки от швабры, пропустил через полученную трубку обычную суровую нить, смял фольгу с одной стороны, зажав нитку в ней.

По квартире пополз соблазнительный запах жаркого. Олег достал мясо, сделал в свертке небольшое отверстие и аккуратно слил в миску вытопившийся жир. Тщательно перемешал получившуюся розовую вязкую жидкость, поймал хвостик нити одной рукой, а другой – через тряпку, естественно, – взял миску и вылил состав в алюминиевый цилиндр. Подождал несколько минут, пока смесь начала загустевать, отпустил нитку. Все, свеча со змеиным жиром была готова.

Знали бы люди, как просто изготавливаются атрибуты для самых сложных заклятий черной магии! На три свечи ушло всего полчаса, после чего Олег отнес запеченное мясо вниз и выложил горкой у подвального окна, представляя, какое пиршество начнется сегодня вечером у местных представителей кошачьих.

Теперь оставалось самое трудное – ждать. Ждать полуночи. И маяться от мысли: получится, не получится? Середин уже забыл, что в обиде на старика, и

представлял, как изумятся Ворон и ребята, когда он явится в клуб с готовыми ответами на все вопросы и неведомыми доселе знаниями.

Едва часы показали одиннадцать, Олег начал одеваться. Форменные милицейские ботинки, теплые шерстяные штаны, поверх них – плотные джинсы. Чистая футболка под шерстяным свитером, а сверху – верная «косуха», закрывающая грудь двойным слоем толстой кожи. Кистень Середин засунул в карман куртки, на ремень повесил саблю, в поясную сумку положил пакет с молотым перцем, перемешанным с табаком из дешевых сигарет, два мелка – обычный и «черный», пропитанный крысиной желчью.

Со стороны могло показаться, что он собирается к битве, а не к обычному заговору, но молодой ведун знал: во время обряда может случиться все что угодно. Ворон говаривал, что иногда вместо вызываемых духов появляются шайтаны, с которыми приходится рубиться насмерть, что мертвецы зачастую отвечают на вопросы могильным холодом, покрывающим инеем кожу и вымораживающим целые дома. И что рассчитывать нужно на лучшее, но готовиться ко всему.

За десять минут до полуночи Середин вышел на лестничную площадку. Ночные заговоры всегда следует исполнять в местах, куда падает свет луны, – а из его комнаты, выходящей окнами на соседнюю девятиэтажку, даже неба не разглядеть. Опустившись на корточки на площадке между этажами, «черным» мелом Олег нарисовал колдовской треугольник, но углам которого установил свечи. Поверх, уже обычным мелком, нарисовал треугольник «чистый», перевернутый одним из углов к себе. Получилась так называемая «звезда Давида», в которой на самом деле представлял ценность только внутренний шестиугольник – место скрещения миров обычного и магического.

Завершив приготовления, Олег закрыл глаза, сосредоточился. Он сделал несколько глубоких вдохов и полных выдохов, представляя себе, как внешний мир проникает в его тело, заполняя все до кончиков пальцев, волос, ногтей, до последней жилочки и клеточки. Выдохнул «мир», вдохнул, снова выдохнул. Голова слегка закружилась: мировосприятие расширилось за пределы видимых пространств.

Стараясь поддерживать в себе это ощущение, Середин достал из кармана зажигалку, щелкнул ею, зажег свечи, затем опустил ладонь в центр звезды, сделал мысленный «выдох» через руку, заливая внутреннее пространство

магической фигуры пропущенной через себя «чистой» составляющей, и начал четко и раздельно произносить обычную формулу:

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду во чисто поле, поймаю птицу черную, птицу белую, птицу алую... – Одной рукой он достал перо филина, положил его в центр фигуры, между большим и указательным пальцем, щелкнул зажигалкой, превращая перо в трескучий огонь: – Летите птицы за земли южные, земли восточные и западные, за реки быстрые, моря глубокие, волны высокие, за море-окиян, на остров Буян. На острове том лежит бел-горюч Алатырь-камень, на камне изба, в избе сундук, на сундуке старик. Птица черная, закрой старику очи, уложи его во крепок сон на сорок дней и сорок ночей. Ты, птица белая, открой сундук,пусти в него свет ясный. Ты, птица алая, достань из сундука книгу Велесову, спроси книгу... Спроси, зачем нам знание колдовское да умение ратное? – выдохнул Олег и неожиданно ощутил, как в лицо пахнуло болотной затхлостью и слабым грибным ароматом, который столь часто витает холодным и дождливым летом в подтопленных березняках. И почти сразу руку обожгло раскалившимся крестом.

– Электрическая сила... – По спине, между лопаток, пополз холодок. – Только этого мне и не хватало.

Середин осторожно, одними глазами, покосился по сторонам и медленно потянул саблю из ножен. Пока ничего не происходило. В мертвенно-желтом свете луны мелко дрожали березовые листья, подмигивая серебристыми изнанками; радостно орали лягушки; между бело-черными стволами неторопливо расползлся туман.

«Туман. Полнолуние. Болото, – мысленно отметил Олег. – Тройное „ква“ в одном флаконе. При таком раскладе без неприятностей не обойтись».

Утешало только одно: в руках находился уже обнаженный гибкий клинок хорошо отточенной и правильно закаленной сабли, выкованной из коренного листа волговской рессоры. Середин скосил глаза на поднятое к лицу оружие и прочитал на лезвии, возле самой рукояти, два перекрещивающихся слова, вытравленных на полированной стали: «Аз есмь». Вот тебе, батенька, и вещий сон.

В тот же миг слева мелькнула тень – Олег шарахнулся вправо, одновременно поворачиваясь, и увидел летящую прямо в лицо распахнутую змеиную пасть с длинными тонкими зубами, глазами-бусинками над ними и раскрытым капюшоном немного позади. От предчувствия близкой смерти екнуло сердце, но натренированные годами занятий руки рефлексным движением резанули саблей воздух, и тварь, словно сама собой, развалилась на две части, промелькнула мимо груди и забилась на земле в предсмертных судорогах. Теперь стало видно, что к змеиной голове крепилось мохнатое тельце белки с широкими кожистыми крыльями и когтистыми лапами ястреба.

– От бя... – прошептал Середин, стараясь смотреть сразу во все стороны. – Да это же криксы!

Листва в березняке снова зашелестела – но на этот раз не от ветра. Деревья тряслись так, словно через них пробивалось нечто тяжелое, размером с хорошего толстозадого гиппопотама. Еще одна тварь спикировала сверху, но эту ночницу Олег смахнул мимолетно, даже не задумавшись. Крест на руке слегка остыл, что отнюдь не означало, будто мир вокруг стал безопаснее. Просто самые крупные и злобные криксы еще не успели домчаться до своей жертвы. Посему следовало срочно сматываться.

– Весь вопрос – куда? – вслух заметил молодой ведун, пытаясь хоть как-то сориентироваться. Однако вокруг стоял лес, и даже полная луна на чистом, ясном небе ничуть не помогала разглядеть дорогу.

Ответ пришел сам собой: слева затрещал березняк, справа что-то зачавкало по болоту, впереди хлопали крыльями подлетающие твари. Середин развернулся и кинулся бежать. Пару раз что-то промелькнуло над самой головой – но за мгновение до этого крест обжигал руку, и Олег успевал пригнуться. В третий раз рука ощутила жар, когда позади чавкнул торфяник. Ведун развернулся, одновременно взмахивая саблей, – и когда увидел перед собой женщину, остановить удара уже не успел. Голова с длинными каштановыми волосами подскочила на несколько сантиметров вверх, потом звучно шмякнулась в лужу. Тело сделало еще пару шагов и плашмя рухнуло вперед. Сердце екнуло, но мгновение спустя Олег увидел руки погибшей – с длинными, сантиметров по двадцать, пальцами, каждый из которых заканчивался толстым кривым когтем.

С этой секунды в душу ведуна снизошло спокойствие. Он без колебаний рубил все, что шевелится – змей, птиц, детей, монахов, коров, ветки деревьев,

качающиеся кочки, крупных ночных мотыльков, – шаг за шагом отступая в избранном направлении. Наконец под подошвами ботинок захрустел песок, пахло соснами – и криксы неожиданно отстали. Наверное, у них тоже имелось какое-то чувство самосохранения.

– Кажется, теперь я понимаю, зачем учился владеть саблей, – тяжело перевел дыхание Середин и отер клинок о куст черники. – Блин, и это называется «ум на халяву»? Не-ет, такие дисциплины лучше изучать за партой по учебнику...

Он опустил руку в поясную сумку, зачерпнул горсть перца с табаком и щедрой рукой сыпанул вокруг себя: через такой барьер ни лесные хищники, ни мелкая нечисть пробиваться не рискнет. Разве только враждебно настроенный сильный маг или посланные им слуги. Но такой опасности Олег не предполагал. Не имелось у него врагов среди сильных колдунов. Да и крест на руке всегда успеет предупредить загодя. Поэтому молодой ведун сел, привалился спиной к ближайшему стволу и закрыл глаза...

* * *

Проснулся Середин, когда солнце ударило ему в глаза. Краешком сознания он помнил, что сегодня понедельник, что нужно идти на работу, но тем не менее попытался урвать еще пару секунд сна, повернулся набок и... упал на колкую хвойную подстилку.

– Это еще что за ква? – Он сел, огляделся, разгоняя остатки дремоты и пытаясь вспомнить, как сюда попал.

Прямо над головой безоблачное небо скребли макушки вековых сосен, у подножия стволов чернели крупными ягодами кусты черники и голубики, перемежающиеся с редкими брусничными ветками. Прозрачный, пахнувший смолистой свежестью бор забирался на холм, у самого подножия которого сидел Олег. В другую сторону тянулось поросшее чахлым березняком темное болото, поблескивающее частыми оконцами чистой воды. Оно манило к себе алыми россыпями клюквы, но есть в такую рань Середину не хотелось.

– Так, – сделал он глубокомысленный вывод. – Значит, это был не сон. И на работу я сегодня явно опоздал. Нужно выбираться к ближайшему населенному

пункту и брать больничный. А то уволят.

Куда и каким образом закинуло его заклятие Велесовой книги, Олег старался не думать: выйдет к людям – узнает. Но нужно признать, обряд оказался весьма эффективным. Теперь он точно знал, что есть еще на Земле места, где обитают самые настоящие ночницы и куда без сабли и хотя бы начального понимания колдовства лучше не соваться.

Над болотом пронесся звонкий клич кукушки, и Олег сразу загадал:

– А ну, скажи, сколько мне до дороги пробираться?

– Ку-ку-у-у... – растянула последнюю ноту пичуга и замолкла.

– Эго что было, метры или дни? – попытался уточнить Середин, но ответа, естественно, не дождался.

А вопрос был отнюдь не праздный. Хорошо, если заклинание пихнуло его в ближайшую болотину промеж обширных дачных участков. А вдруг куда-нибудь в Сибирь засандалило?

– Спасибо, Ворон, научил ты нас к любому заклинанию, как к войне, готовиться, – вслух поблагодарил старика Олег. – Но мог бы посоветовать еще и бутерброды перед наговорами заготавливать.

Он похлопал себя по карманам, заглянул в поясную сумку. В наличии имелись кистень, два мелка, зажигалка, полкулька перца с табаком, носовой платок и старый календарик с рекламой магазина «Максидом». Негусто. Ну, да ничего, не пропадет. А в следующий раз будет умнее...

Середин поправил ремень так, чтобы сабля свисала сбоку и не била его по ногам, и стал решительно подниматься на холм.

По ту сторону взгорка открылась ложбина с журчащим по песчаному дну узеньким ручейком. Середин повернул вверх по течению и примерно через полкилометра вышел к роднику. На всякий случай Олег поводил над ним левой рукой, но ничего не почувствовал, а потому опустил на колени и долго пил

ледяную воду, утоляя одновременно и жажду, и голод.

«Надо будет еще и флягу с собой перед заклинаниями брать», – мысленно отметил молодой ведун, перешагнув ручей и двинулся вверх по другому склону. Потом опять вниз, вверх, вниз... Вокруг расстилались нетронутые черничные заросли, то и дело попадались крупные, красивые грибы: белые, сыроежки, красные, моховики. Олег от них старательно отворачивался – хотелось взять, но некуда.

Наконец, примерно после полудня он наткнулся на полосу примятой травы: крохотные лапки «заячьей капусты» были растоптаны с интервалом в полметра, каждый след имел длину сантиметров тридцать. Или, проще говоря, здесь прошел не зверь, хищный или копытный, а человек. В крайнем случае – снежный. Олег повернул вдоль следа и уже через полчаса выбрел на вполне различимую тропинку, по сторонам от которой то и дело попадались низкие пеньки со следами топора.

Стежка-дорожка становилась все более натоптанной с каждым метром, ягодники вокруг стояли чистые, грибы больше не попадались. Явный признак человеческой жизнедеятельности! Значит, где-то поблизости имелось садоводство или деревенька.

Вскоре явственно пахнуло дымком, донеслось жалобное мычание. Середин перевалил очередной холмик и увидел впереди, между деревьями, широкий луг, а за ним – деревню. Он остановился, облизнул мгновенно пересохшие губы и озадаченно сказал себе под нос:

– Вот это ква...

Меньше всего поселение напоминало садоводческое товарищество или какой-нибудь совхоз. В первую очередь, еще ни разу в жизни Олег не видел, чтобы дома крылись дранкой – а здесь пощипанные на тонкие досочки деревянные чурбаки защищали от непогоды все строения: и отдельно стоящие овины, и сараи, образующие вместе с домами большие дворы, и навесы для сена, и выпирающие из земли погреба. Все дома из бревен, хозяйственные постройки – жердяные. Про доски, краску, вагонку или фанеру тут, судя по всему, не слыхали. Кроме того, ни одно строение не имело ни трубы, ни телевизионной антенны. Проводов в деревне тоже что-то не наблюдалось.

Разумеется, на необъятных просторах нашей Родины деревень, к которым электричество не провели до сих пор, имелось в достатке. Это да. И телевизор во многих местах можно смотреть только через спутниковую тарелку. Но вот машины и трактора – пусть даже старые, разобранные, полусгнившие, используемые под курятник или свинарник, – всякая авто – и мототехника имелась уж везде. Однако в деревне и вокруг нее не виднелось не то что «К-700» или мотоцикла, но и даже старого драного колеса или колотого блока цилиндров. Зато во дворах стояли телеги, лениво помахивали хвостами лошади и, больше того, – по ту сторону селения одинокий пахарь превращал с помощью низкорослого тяжеловоза и белой однозубой сохи зеленый луг в черную маслянистую пашню.

– Старообрядцы, что ли? – осторожно предположил Олег, выходя из-под крон на край опушки.

Меньше всего ему понравились столбы, что стояли у дороги, уходящей куда-то в поля, и за лужком перед селением. На столбах красовались злобные хари – брови белые, зрачки черные, губы бурые... будто кровью измазанные. Насколько Середин себя помнил, таких тотемов на дачных участках обычно не вкапывали.

Сельчане выглядели тоже, мягко выражаясь, странновато. Мужики – бородатые, опоясанные широкими кушаками, одетые в свободные рубахи, шаровары и странные короткие сапоги с голенищами, похожими на раскрывшийся тюльпан. Женщины – поголовно в платках. Большинство – в темных длинных юбках и каких-то кофтах, но те, что помоложе – в светлых сарафанах, украшенных яркой, издалека заметной вышивкой и приталенных высоко на ребрах, сразу под грудью. Самое странное – никто из сельчан ростом, похоже, не дотягивал Середину выше подбородка, хотя великаном ведун отнюдь не являлся – всего метр семьдесят шесть по утрам, да и телосложение среднее.

Олег медленно шел вперед, продолжая приглядываться к деревне. Полтора десятка коз с длинными рогами и полсотни овец топтались под присмотром пастушка лет шести. Еще два десятка коров паслись отдельно, рядом с ними спал седовласый старик. Откуда-то злобно лаяли собаки, их пытались перехрюкать так же невидимые свиньи. Курицы стайками бродили вокруг самых домов, а в одном месте среди них белели крупные гусиные туши. Вилы, которыми в широком дворе бабы ворошили сено, – оказались деревянными. Голозадые ребятишки годика по три – длинная рубаха и никаких штанов – играли с долговязым, если можно так выразиться, тонконогим жеребенком.

Один забрался скакуну на спину и ничего – не падал.

Появление гостя вызвало в селении нездоровое оживление: женщины, побросав вилы, прильнули к заборам, выглядывая в щели между жердей. Те, что находились вне дворов, побросали дела и устремились к домам. Мужчины тоже поспешно оставили свои занятия. Но в отличие от своих баб они хватали косы, оглобли, топоры и быстрым шагом выступали навстречу.

Решительный вид туземцев в немалой степени озадачил Середина, и он остановился. Тем более что ведун неплохо представлял, насколько опасным оружием может оказаться оглобля в умелых руках. Мужики тоже встали – аккуратно рядом с одним из готемных столбов, видимо означавших границу селения. Может статься, за ними и земля была заговорена. От болезней, огня и дурного глаза.

В воздухе повисла напряженная тишина.

– Мир вашему дому и здоровья всем вам! – громко произнес Олег, левой рукой аккуратно задвигая саблю за спину, от глаз местных жителей.

– Чур меня, чур, – явственно забормотали мужики, многие из которых скрестили пальцы и стали тыкать ими в сторону пришельца. – Сгинь, жировик ночной, сгинь.

– Да вы, никак, за нечисть болотную меня принимаете? – удивился Середин. – Бросьте, мужики! Я обычный человек, такой же, как вы. Просто иду мимо. Дали бы воды напиться да путь дальше указали. Мне больше ничего и не надобно.

– Откуда же ты взялся, человек? – прошамкал один из мужиков. – На Моровую вязь, окромя как через нас, пути нет. А ты аккуратно оттуда и топаешь...

Аргумент был железный. Можно даже сказать, пуленепробиваемый. Олег взглянул на тотемы, огораживающие деревню, на деревянные вилы, косы и оглобли – и решил на всякий случай не рассказывать про то, как на самом деле попал на Моровую вязь.

– Вы думаете, я один из ночников? – громко уточнил Середин. – А если я докажу, что это не так? Воды хоть напиться дадите?

Местные промолчали. Ведун пожал плечами и повернул обратно в чащу.

Однако в обратный путь к ближнему болоту Середин отправился не только и не столько за доказательствами своего человеческого происхождения, сколько из желания спокойно обдумать увиденное и хоть примерно разобраться в произошедшем.

Итак, он явно находился не дома, это и ежику понятно. Хотя судя по привычному сосняку, березкам, судя по одежде и речи местных жителей – все-таки за пределы России его не выкинуло. Костюмчики, правда, у туземцев были странноватые, словно из этнографического альбома. Но на старообрядцев точно не походили – те свои поселения идолами окружать ни в жизнь не станут. Значит...

Что все это может означать, Олег понять никак не мог. Крытые дранкой крыши, телеги, лошади, соха... Не в прошлое же он провалился, в конце концов?! Опять же, язык мужиков он понимал без проблем, а ведь речь – структура переменчивая, лет двести пройдет – и собственных потомков не уразумеешь.

– Стоп, стоп, стоп... – сам себя осадил Середин. – Я проводил заклинание Велесовой книги, заклинание знаний. Так что понимание речи предков могло стать составляющей обряда. И если так... То я все еще нахожусь под действием колдовства! Я задал вопрос – Велесова книга повела меня к ответу. Путь лежит через чужие земли – она дала мне понимание речи тех, с кем придется встречаться.

Олег тихонько зашипел от злости и бессилия. Из его предположения следовал очень важный побочный вывод: он не сможет выйти из-под власти заклятия, не сможет вернуться назад домой, пока не закончит обряда до конца. То есть пока не получит ответа на заданный вопрос.

Впереди он различил журчание ручейка. Середин спустился к роднику, ополоснул в нем лицо и громко сообщил, обращаясь к небесам:

– Я все понял! Я знаю, зачем нужно знать колдовство и уметь владеть саблей!
Ответ получен!!!

Ничего не произошло. По всей видимости, у заклятия было свое мнение на этот счет. Требовалось соблюдение некоей формальности. Например, ответ должен произнести кто-то из мудрецов этого времени, либо Середин обязан не просто один раз сцепиться с криксами, а хорошенько стоптать ноги и отмахать руку. «Семь пар сапог истоптать, семь хлебов железных изгрызть».

А может, имелось и что-то еще. Некий метод закрытия обряда, который он пока еще просто не знал. Не нащупал «выключателя».

– Если это «ум на халяву», – сплюнул Олег, – то я – римский папа.

Вот забавно будет оказаться снова на вонючей лестничной площадке в тот же час и ту же минуту, когда начал обряд, предварительно побегав здесь три или четыре года! Или лет сорок. Интересно, в последнем случае он возвратится постаревшим или останется двадцатилетним?

Впрочем, кто знает? Может быть, с заклятием удастся разобраться и за пару дней.

Середин обнажил саблю, срубил росшую на берегу ручья тонкую осину, за пару движений очистил ее от ветвей, заострил комель и, покосившись на небо, двинулся к болоту. До заката еще было далеко...

Купец

– Ну что, мужики, заслуживаю я корец воды из вашего колодца испить? – Олег кинул возле тотема осиновый кол, на который были нанизаны разрубленная почти наполовину крылатая тварь, напоминающая кошку со скорпионьими клещами, и кусок тела ходячей криксы – с детской головой, украшенной острыми рожками, и одной рукой с длинными пальцами, заканчивающимися раздвоенными когтями. Молодой ведун перешагнул очерченную сохой земляную границу селения и остановился. Крест на руке немного нагрелся, дав понять, что

магия здесь используется отнюдь не христианская, а затем снова остыл. Олег оглянулся на мужиков, столпившихся вокруг злобных уродов, повелевающих ночным миром, и хлопнул в ладоши, обращая на себя внимание:

– Вы бы, чем на них таращиться, прикопали крикс в сухом месте. Это ведь твари такие: днем подмокнут, ночью раскиснут, в лужу ближнюю стекут, а к полнолунию опять из тины наружу полезут. И до вязи своей Моровой сходите, тех, кто там порублен, закопайте. Вам же спокойнее жить станет.

– Дык... Солнце на закат покатилося... – неуверенно напомнил все тот же шамкающий мужик.

– А вы завтра сходите, – пожал плечами Середин. – Вас же ночью никто из домов не гонит. И, кстати, раз уж я из-за вашей подозрительности целый день тут потерял: пустите в стожок переночевать. Я в темноте тоже гулять не люблю.

– Голуба вечор стог у Старого колодца сметал, – тут же откликнулся безусый паренек лет пятнадцати, – во-он там, под одинокой березой.

– Ага, – после короткой паузы с сожалением кивнул Олег, поняв, что в дом на ночлег его никто приглашать не собирается. Оно и понятно: взялся неведомо откуда, пришел с болота. А что ночниц пару десятков порубал – так ведь мало ли зачем? Может, желчь собирал, дабы глаза в темноте видели, или кости их для амулета перетереть собирался. Поди разбери, добрый человек помочь хочет али злой колдун балует. – У березы, так у березы. Воды-то хоть принесете? Хоть чего в брюхо плеснуть, чтобы до утра не склеилось...

Намек крестьяне поняли правильно, и, когда стало смеркаться, Олег услышал возле стога осторожные шаги. К этому времени он уже успел вырыть себе в ароматной сухой траве глубокую нору, застелил ее толстокожей «косухой» – чтобы стебли не кололись – и вытянулся во весь рост, уложив саблю сбоку под правую руку, а кистень сунув под изголовье.

– Кто там? – На всякий случай ведун опустил правую руку на ножны.

– Снедь мне велено принести тебе, странник. – Голос был девичий, почти детский.

Олег сел, высунул голову из норы и увидел пахнущую жареным мясом и хлебом небольшую корзинку, прикрытую белой тряпицей. Корзинку держала в руках крестьянка лет пятнадцати-шестнадцати в сером, изрядно вытертом сарафане до пят, с тонким красным пояском, завязанным под грудью, и в платке с синей вышивкой по краю. Один глаз девушки был прищурен, правая щека сморщена, край рта презрительно изогнут и слегка подрагивал. Похоже, деревенские даже еды принести – и то предпочли послать человека, представляющего наименьшую ценность.

– Ладно, с лица воды не пить, – пожал плечами Середин, принимая корзинку и сдергивая с нее тряпицу. Внутри обнаружился горшочек, едва не по края полный распаренной гречневой кашей с жирком и мясными прожилками, заткнутый деревянной пробкой кувшин, испускающий хлебный аромат, – в нем оказался темный шипучий квас, – и кувшин поменьше с прозрачной водичкой. А вот чего не обнаружилось – так это вилки или хотя бы ложки.

Почесав в затылке, Олег вытянул из ножен саблю, отошел к березе, срезал полоску шириной сантиметров пять. Не графский прибор, но добыть кашку из глубокой емкости можно. Присев возле стожка, ведун, с утра маковой росинки во рту не имевший, хлебнул изрядно кваску, затем принялся уплетать угощение за обе щеки. Вскоре горшок опустел, а осоловевший от сытости Середин отвалился на сено. Голова закружилась, словно он только что выпил две бутылки пива, по телу растеклась приятная истома. Сделав над собой усилие, ведун допил сладковатую воду из маленького кувшина, вернул опустевшую посуду в корзинку и подвинул к девушке:

– Спасибо, милая. Забирай.

Крестьянка подобрала лукошко, но не уходила, переминалась с ноги на ногу.

Олег, уже нацелившийся нырнуть в свою нору и отключиться до утра, недовольно заинтересовался:

– Ну, чего еще?

– А правду сказывали, мил человек, что ты ночниц на Моровой вязи всех порубал?

– Не знаю, – пожал плечами Середин. – Может, и не всех. Я их не пересчитывал.

– Так ты, наверное, волхв странствующий?

– Да ну, скажешь тоже, – отказался от ненужного звания Олег. – Я так, прохожий случайный.

– Как же ты с ночницами управился?

– Ну-у-у... Смог, в общем.

– Колдун, значит, – присев перед странником, понимающе прошептала крестьянка. – Помоги мне, колдун. Я тебе первенца отдам. Волосы остригу. Русалкой стану. Я...

– Еще чего! – попятился Середин от горячего шепота девицы.

– Помоги, колдун, – на глазах девицы навернулись слезы. – Все сделаю, только скажи...

– Чем?

– Сделай меня красивой.

– Красивой? – Олег сел на глубоко промявшуюся под ним «косуху». – Чего же тебе не хватает?

– Разве ты не видишь, колдун? – Даже в вечернем полумраке было видно, как лицо крестьянки залилось краской. – Мое лицо... Рот, глаз, кожа... И грудь у меня очень маленькая.

Девушка придвинулась, оставив корзинку на земле. Олег коснулся щеки, ощутив под пальцами дряблую, чуть подрагивающую тряпочку. Тик, что ли? Или воспаление тройничного нерва... Середин тряхнул головой, отгоняя бессмысленные термины совершенно чуждой ему магии. Ведь он не врач, он – ведун. Его дело – не искать нужные термины, а приносить человеку исцеление.

– Что такое горчица, знаешь? – поинтересовался он. – Семена растереть в порошок, смочить, щеку натирать три раза в день. Еще не помешало бы горсть цветов бузины залить на три-четыре часа... – Он запнулся и тут же поправился: – ... на треть дня залить кипятком. Вот столько примерно воды нужно, сколько в этом горшке помещается. Потом этот настой понемногу пить. Горшок в день. Это нужно делать не меньше месяца. Зверобой с сегодняшнего дня пить постоянно, вместо чая. Понятно?

Крестьянка кивнула.

– А еще, если боли не боишься, найди пчелиный улей, мазни щеку медом и дай себя немного покусать. Пять-шесть укусов за раз. Но этим средством не увлекайся, пару раз в месяц, не чаще.

– А грудь?

– С грудью-то что?

Девушка на мгновение запнулась, потом встала и начала развязывать пояс.

«Не нужно», – хотел было сказать молодой человек, но язык почему-то не повернулся. Крестьянка уронила пояс, сняла через голову сарафан, оставшись в просторной полотняной рубашке ниже колен, опустилась на колени, распутала завязки ворота, развела ткань, обнажая небольшую, совсем еще девчоночью грудь с остреньким соском. Олег, не удержавшись, накрыл грудь ладонью, слегка сжал, ощутив под пальцами горячую упругую плоть. Подумал сказать, что грудь очень даже ничего и молодка может не беспокоиться, но вместо этого наклонился и сжал самый сосок мгновенно пересохшими губами.

Гостя застонала, неожиданно обняла голову ведуна, прижимая ее к себе со всей силы. Середин, уже без всяких душевных мук, запустил руку под подол, скользнул ею вверх – по колену, бедру – и обнаружил, что под рубашкой у туземки нет больше абсолютно ничего. Он лег на «косуху», увлекая крестьянку за собой, начал торопливо расстегивать джинсы, выпустил свою плоть на волю, наклонился над девушкой, снова начал целовать ее грудь, обнаженное плечо, губы. Прижался бедрами. Его ждали – Олег ощутил, как погружается в горячее лоно, чуть ли не тонет в нем; как гостя рванулась навстречу, отдаваясь с неожиданной страстностью, жадностью, захватывая инициативу в свои руки и

безмерно торопясь. Он еще не успел вкусить наслаждение близостью, как тело взбунтовалось, полыхнуло и взорвалось сладостной истомой.

Девушка пискнула и перестала дышать. Правда, сердце ее колотилось с такой силой, что беспокоиться за туземку не стоило. Просто дизель, а не сердце. Олег отвалился в сторону и расслабился.

«А жизнь-то вроде налаживается, – улыбнулся в темноту Середин, потихоньку приходя в себя после взрыва эмоций. – Вот я уже и сыт, и удовлетворен».

Он присел, нащупал в сгустившемся мраке кувшин с квасом, открыл, начал жадно пить. Удовлетворив жажду, положил руку на отдыхающую рядом крестьянку – ладонь почему-то опустилась аккуратно на обнаженную грудь.

– Слушай меня внимательно. Дождись полнолуния. Как стемнеет, набери в любом месте миску проточной воды. Коли зима будет – значит, снег или лед растопи. Лад водой в одиночестве нашепчешь заговор: «Ты текла из-за гор, по полям, лесам, лугам широким. Под небом синим, в ночи черной. В тепле грелась, в холоде мерзла, черноту снимала, красоту открывала. Ты отдай мне, вода, красоту рассветную, тайну ночную, губы красные, лицо белое, стан дивный, грудь высокую. Буду я, как луна в ночи, среди других девиц светла, как рассвет красива, как солнце счастлива». Миску на всю оставшуюся ночь поставь туда, куда падает лунный свет. Утром, на рассвете, этой водой умоешься. Делать так нужно каждое полнолуние, каждый месяц. Через год сама себя не узнаешь, первой красавицей станешь. Запомнила? Повтори-ка заклинание.

У девушки оказалась совсем не плохая память – всего в паре мест пришлось поправить.

– Благодарю тебя, странник. – Крестьянка схватила его руку и принялась целовать. – Что сделать для тебя? Серебра нет, малых тоже...

– Будет муж, будут и малые, – спокойно пожал плечами ведун. – Теперь тебе беспокоиться не о чем. Женихи найдутся.

– Благодарствую тебе, колдун... – Девушка зашуршала, собирая одежду. – Век не забуду.

Вскоре Олег ощутил, что остался один. Он на ощупь застегнул джинсы, раскинулся на ароматном сене и провалился в сон.

* * *

– Странник, странник... – Середин вздрогнул и торопливо положил ладонь на рукоять сабли. – Странник...

В отверстии норы с трудом различались хлопья тумана, величественно проползавшие мимо стога. Рассвет еще не наступил, но первые лучи приближающегося дня уже успели рассеять мрак.

– Странник...

– Кто здесь? – рискнул откликнуться Олег.

Поблизости зашуршала трава, и в стог заглянула вчерашняя гостья. Не узнать ее было мудрено даже в полумраке, однако ведуну показалось, что рот у девушки стал все-таки прямее и совсем не дергается, а глаза – почти одинаковы. Вполне могло быть и так: то, чем они вчера занимались, тоже имеет ярко выраженный лечебный эффект.

– Странник... – Крестьянка прибежала босиком, подол рубахи от росы стал мокрым выше колен; на волосы накинута косынка. Девушка поставила на край куртки деревянную баклажку, вырезанную из единого чурбака и прикрытую крышкой. – Вот, возьми. Прости, странник, но более ничего у меня нет.

– Да ладно, – отмахнулся Олег, отпуская саблю и усаживаясь. – Ты чего это боса по холоду бегаешь?

Вместо ответа девица наклонилась, поцеловала его руку и тут же умчалась.

– Э-э... – хотел было окликнуть ее ведун, но не успел. – Ну вот, даже имени не спросил.

Он приоткрыл крышку, заглянул внутрь. Оттуда пахнуло теплым цветочным духом, на поверхности густой жижи дрогнула и тут же погасла волна.

– Батюшки, да это же мед! – Ведун нащупал свою сделанную из бересты ложку, макнул ее в баклажку, облизал, еще раз макнул и снова облизал. – Хорош. Похоже, что свеженький. Ну, спасибо тебе, молодница неведомая. Пусть помогут тебе мои заклинания не через год, а к весне новой. Будет полнолуние, я тебе отдельно здоровья наговорю.

Спать больше не хотелось. Олег поднялся, привесил саблю к ремню, накинул на плечи и застегнул «косуху». Подобрал с земли подаренную баклажку. Сборы бездомного странника недолги, а засиживаться смысла нет – не завтрак же себе у туземцев выпрашивать? Он не побирушка, сам выкрутится. Тем более теперь.

Середин выдернул из гостеприимного стожка жесткую длинную соломинку, сунул ее в зубы и двинулся в сторону уже вполне различимой дороги.

* * *

Проезжий путь к деревне существовал только благодаря песчаной почве. Шагая по извивающейся между сосен колее, ведун прекрасно видел, что его следы – единственные после последнего дождя, оставившего на земле миллионы мелких точек. Судя по погоде, осадки здесь наблюдались не менее недели назад. А может – и месяца. Так что места глухие, нехоженые. Значит, нужно рассчитывать, что к крупному населенному пункту добраться получится только через несколько дней. Нечисти вроде крикс, мавок или анчуток в сосняке опасаться не стоит, не любят они хвойные леса. Лешие – существа почти безопасные, коли самому их не обижать. Так что можно немного расслабиться. Единственная опасность – сухо кругом, влажных впадинок не видно. А фляги с собой нет. Если за пару дней не встретится источник воды – будет тяжело.

– Я становлюсь умнее с каждой минутой, – пробормотал себе под нос ведун. – В следующий раз перед началом обряда возьму с собой флягу и ложку, чтобы из бересты потом не вырезать. Пару бутербродов на первый день. Бутылочку пива. Надо составить список...

Около полудня позади послышался топот. Середин вспомнил сладкий вечерок, проведенный с местной «Золушкой», покосился по сторонам – а не раствориться ли в зарослях? Но песок, предательский песок под ногами. Следы все равно предадут. Олег поставил баклажку с медом на землю, поправил кистень в кармане так, чтобы его петля слегка высывалась наружу, и повернулся навстречу опасности.

Всадником оказался мальчишка лет двенадцати. Он натянул поводья, остановил жалобно всхрапнувшего коня шагах в пяти от ведуна, развернул поперек дороги:

– Сход решил, странник, плохо отпускать тебя так. Стратослав, волхв наш, назвал тебя добрым человеком. Сход передает, желанным гостем всегда будешь.

Паренек отцепил болтавшийся у луки седла мешок; наклонившись чуть не под брюхо скакуна, поставил его на землю, а потом ткнул пятками коня, заставляя его сразу перейти в широкий намет, и умчался обратно.

Олег немного выждал, оглаживая саблю, потом подошел к мешку и развязал накиннутую на горловину торбы удавку, заглянул внутрь. Две еще теплые, неошипанные курицы, десяток завернутых в тряпицу пирогов и кожаный мешочек с чем-то зернистым и сыпучим. Веревка мешочка никак не поддавалась, и ведун мысленно добавил к списку необходимых при колдовстве вещей небольшой нож – не резать же тонкую бечеву саблей! Однако вскоре суровая нить поддалась, и Середин смог запустить руку в какой-то порошок, с виду напоминающий гранулированный индийский кофе – темно-коричневый и чуть маслянистый. Опасности Олег не чувствовал, а потому взял пальцами пару гранул, кинул в рот, разжевал.

– Ба-а! Да это же сушеное мясо...

Это был весьма приятный сюрприз. Сушеное мясо достаточно немного разварить – и сытный обед готов. На худой конец можно просто запить водой. В мешочке находился запас продовольствия для одного человека как минимум на месяц. Правда, ни воды, ни хотя бы пустой фляги среди подарков не нашлось. Ведун вздохнул, поставил в мешок баклажку с медом и закинул его за плечи.

Как обычно и случается в подобных обстоятельствах, к реке он вышел только к середине второго дня, не сделав за все это время ни единого глотка воды. Про микробов Олег забыл начисто – упав на колени на глинистый, поросший травой уступ, он пил, пил, пил... А когда наконец-то смог подумать о еде, то прибавил к мысленному списку еще один пункт: котелок. Для приготовления элементарной мясной похлебки воду следовало в чем-то вскипятить. И котелок, в отличие от ложки, так просто из коры не состряпаешь.

– Ладно, при случае чего-нибудь придумаю. – Ведун развязал мешок, достал куриные тушки, обнюхал – вроде еще ничего, спустился к воде и принялся замазывать «дичь» толстым слоем глины прямо поверх перьев. Потом набрал в лесу валежника, благо здесь это сложностей не представляло, навалил сверху и поджег.

Разумеется, Середин знал, что запекать птицу положено в углях, а то и вовсе в земле под костром – но дожидаться, пока прогорят дрова, у него не имелось ни малейшего желания. И так не меньше часа печь придется.

Олег откинулся на траву рядом со своим маленьким очагом и стал уже в который раз размышлять, как сломать капкан поймавшего его заговора и вернуться домой. Разумеется, плеск весел он услышал и даже приподнял голову, оглядев величаво скатывающуюся вниз по течению ладью размером с пассажирский «Икарус». Сходство было поразительным: такая же желтая и тупоносая, такая же широкая, с носовым украшением в виде лебединой головы, поднимающимся метра на три, словно перегородка между лобовыми стеклами автобуса. Мачта почему-то отсутствовала, зато сбоку виднелась широкая лопасть рулевого весла, а на корме стоял большой сарай – иначе и не назовешь, – сколоченный из некрашенных досок. На речушке шириной не более десяти метров ладья казалась невероятной машиной.

Ведун окинул посудину взглядом и отвернулся. У него в избытке хватало своих дум, чтобы тратить время на пустое созерцание. А потому слова: «Не двигайся!» прозвучали для него, словно гром посреди зимы. Молодой человек воззрился на судно еще раз и увидел на носу лучника. Дитина едва ли не с метр шириной в плечах стоял, возвышаясь над бортом, и держал лук, направив острие стрелы с широким, в ладонь, наконечником Середину в грудь. Ладья медленно и величаво отворачивала со стремнины к берегу. Олег поднялся на ноги, и корабельщик тут же натянул лук. Молодой человек ощутил исходящую от него готовность выстрелить и замер, пальцами осторожно подбираясь к рукояти сабли, а губами

тихо нашептывая:

– Стану не помолясь, выйду не благословясь, из избы не дверьми, из двора не воротами – мышьей норой, собачьей тропой, окладным бревном; выйду на широко поле, поднимусь на высокоу гору...

По телу, как это обычно и бывало при искреннем выполнении наговора, побежали мелкие мурашки. Олег явственно ощутил свою ауру, на поверхности которой начала скапливаться энергия. Ладья между тем уткнулась в песок – села килем на дно в паре шагов от берега, и с борта спрыгнул другой враг: куда более худощавый, ростом немногим ниже Середина, бородатый, голубоглазый блондин. Левую руку он держал на оголовье меча, но особой опаски все-таки не проявлял. Рубашка, шаровары, короткие сапоги. На широком, в две ладони, поясе висел короткий нож с белой костяной рукоятью. Из доспехов на корабельщике имелся все тот же пояс: на толстую кожу было набито множество небольших бронзовых пластин – мечом или саблей не прорубить. И защищал ремень самое уязвимое место – живот.

– Зачем тебе эта сабля, путник? – чуть ли не дружелюбно спросил незнакомец. – И куртка у тебя странная. Пусть она лучше полежит у меня в сундуке!

– ... ты, Солнце, положи тень мне под ноги, вы звезды, поднимите ее на небо, – торопливо закончил Середин, – а ты, Луна, дай ее мне в руку!

– Чего бормочешь? – не понял блондин.

– Я говорю, что мне нравится твой нож.

Левой рукой Олег резко метнул в сторону несуществующий шар, а правой рванул саблю. Наговоренная тень промелькнула над прибрежным кустарником, и лучник сделал то, что и должен был сделать пребывающий в постоянном напряжении стрелок: спустил тетиву. Одновременно ведун, подкинув ножны, выдернул клинок, направляя его ближнему врагу немногим выше ремня. Изогнутое точно по окружности двигающейся в замахе руки, легкое, но остро отточенное лезвие коснулось рубахи корабельщика и стремительно заскользило, разрезая ткань, кожу, мышцы под ней, нижние ребра. Кровь еще не успела выступить наружу, когда обратным движением Середин перерубил противнику горло и одним прыжком кинулся в кусты. Над головой хищно прошелестела

стрела – но лучник опять промахнулся.

– Радомира убили! – услышал Олег тревожные выкрики, откатился в сторону и приподнял голову. На палубе толпились люди, выглядывая на берег. Человек десять, наверное.

«Много», – мысленно отметил Середин, но отступить пока не собирался. Во-первых, он не желал лишаться своего законного ужина. Во-вторых, его котомка осталась у костра. А в-третьих, он уже достаточно намучился без ножа и твердо намерился заполучить себе «инструмент» уже покойного Радомира. В качестве сатисфакции за ничем не спровоцированное нападение.

Стрелок продолжал целиться в кустарник, и ведун пустил низом еще одну тень, зашелестевшую гибкими ветвями. Лучник тут же выпустил одну за другой три стрелы.

– Ну, где ты, предатель? Где ты, подлец?

– Иди сюда, узнаешь! – предложил Олег, и воздух тут же разрезала еще одна стрела.

Через борт один за другим перевалились двое корабельщиков – бородатые, в серых выцветших рубахах, черных штанах из парусины, коротких сапожках без каблуков. Оба были в шлемах, со щитами, оба сжимали в руках широкие, но короткие мечи. Середин недовольно поморщился: два щита против его сабли давали разбойникам слишком большой перевес.

– Нет, ребята, так мы недоговаривались... – прошептал он себе под нос, возвращая клинок в ножны и накидывая на запястье петлю кистеня.

Корабельщики, настороженно вглядываясь в ивняк, приближались, и ведун снова начал нашептывать себе в левую руку отводящую глаза тень. А когда до врагов осталась всего пара шагов, метнул ее к ним за спину. Вода от прикосновения темного шара громко плеснулась, и того краткого мига, когда все повернули головы на звук, Середину хватило, чтобы метнуться вперед, опустив серебряный многогранник на шлем одному противнику, хорошенько пнуть ногой другого, откинув его на несколько шагов, подхватить щит оглушенного, падающего корабельщика и юркнуть назад, под защиту ветвей. И

опять стрела прошелестела слишком поздно, срезав несколько прутьев у ведуна над головой.

– Трус! – громко заорал, потрясая мечом, бородач, на пояснице которого остался четкий влажный отпечаток рубленой подошвы. – Выходи и сражайся, как мужчина!

– Тут не олимпиада, недоумок, – со смехом отозвался Олег. – Сейчас меч твой заговорю, чтобы хозяина не слушался, тогда и сразимся.

– Трус! – уже не так уверенно рыкнул корабельщик, немного подумал, потом закинул щит за спину, спрятал меч, подхватил под мышки потерявшего сознание товарища и поволок его к ладье. Больше выпрыгивать на берег никто не торопился. Пока.

– Пока... – негромко повторил про себя Середин. Если корабельщики высадят десант хотя бы из пяти человек, то против этого особо не попрешь, будь ты хоть старик Хоттабыч. Требовалось немедленно предпринять что-то, что отобьет у речных разбойников всякое желание связываться с одиноким путником. Иначе придется улепетывать, бросив и без того скромные пожитки.

– Небу синему поклонюсь, реке улыбнусь, землю поцелую, – начал он достаточно громко и ясно наговаривать защитное заклинание, мысленно закручивая слетающие с губ слова вокруг своего тела, – доверюсь вам по всякий день и по всякий час, по утру рано, по вечеру поздно. Поставьте вокруг меня тын железный, забор булатный, от востока и до запада, от севера и до моря, оттоле и до небес; оградите меня, сына вашего Олега, от колдуна и от колдуницы, от ведуна и от ведуницы, от чернеца и от черницы, от вдовы и от вдовицы, от черного, от белаго, от русаго, от двоезубова и от троезубова, от одноглазаго и от красноглазаго, от косого, от слепого, от всякаго врага по всякий час...

Середин выпрямился во весь рост и спокойным шагом направился к костру, нагло улыбаясь ошалевшему от такого пренебрежения лучнику:

– Что тарацишься, чмо с ушами? Твой лук отныне моим стал. И никуда, кроме как в огонь костра, попасть не сможет!

Вообще-то, это была уже не магия, а банальный гипноз: коли поверит в его способности стрелок, то уже ничего с собой поделать не сможет, будет садить в указанное место и хоть ты тресни. А поверить должен: как не поверишь, если противник так спокоен? Да еще успел до этого двух корабельщиков свалить? Не говоря уж о том, что воздействие шло по всем уровням – и защитное заклинание должно минимум пару часов держаться, и щит левый бок почти полностью прикрывает.

– Да я тебя, урод... – скрипнул зубами лучник, резко натянул тетиву...

Оперение выросло в самом центре костра, мгновенно полыхнув от жара.

– Да я... Да я... – чуть не взвыл от бешенства корабельщик, выпуская стрелу за стрелой, и вскоре повеселевший от множества сухоньких тонких деревяшек огонь вырос почти вдвое.

Середин, поняв, что прием сработал, с напускным равнодушием присел возле первого из разбойников, перевернул его на спину, закрыл удивленно распахнутые глаза и принялся невозмутимо расстегивать ремень. Правда, при всем напускном спокойствии, руки его все-таки тряслись. И не от страха, а от того, что он впервые отнял жизнь у другого человека. Не у криксы, безмозглого кролика или деревенского цыпленка, а у настоящего человека, который всего несколько минут назад мыслил, о чем-то мечтал, строил планы на будущее. Причем получилось это до неприятного просто: два движения саблей, и все. Как комара прихлопнул. И наверное, было очень хорошо, что он сидел под прицелом жаждущего крови лучника – опасность заставляла удерживать все чувства в узде, не забиться в истерике, не завывать от раскаяния, не просить прощения у мертвеца.

– Ты сам хотел этого, – только и прошептал Олег. – Кто с мечом приходит, тому и платежи той же железкой по дурной голове. Покойся с миром.

– Ты чего творишь, оглоед?! Ты куда стрелы кидаешь? Да ты знаешь, что каждая из них две куницы стоит? А ну, иди, собирай теперь! Сколько не хватит – из твоей доли вычту!

Олег скосил глаза в сторону ладьи. Новый фигурант, появившийся на носу корабля, вполне подходил под классическое определение «кровь с молоком»: на

голову выше всех остальных, розовые щеки, широкие плечи, голубые глаза, небольшое, но вполне заметное брюшко.

Бороды, в отличие от прочих корабельщиков, он не имел, следов тщательного бритья – тоже. Значит, согласно науке логике, было парню лет этак восемнадцать-двадцать, и являлся он тут самым главным – учитывая решительный разнос команде, а также шитую золотой нитью и жемчугом тюбетейку на голове, отороченный каким-то симпатичным мехом алый суконный кафтан на плечах да широкий пояс с мечом, оголовье которого украшал крупный самоцвет. Либо стекло, либо сапфир размером с полкулака. И Середин сильно подозревал, что второй вариант куда ближе к истине.

– Этот колдун Радомира только что зарезал!

– А что Радомир на берегу здесь делал? Почто мы вообще стоим, а не плывем?

– Дык, Радомира зарезали... – опустил оружие лучник.

Середин с большим трудом сдержал вздох облегчения. Похоже, самый опасный из врагов признал свое поражение, и хотя бы стрелы ему больше не угрожали. Ведун заметил, что один из сапогов убитого сильно топорщится с одной стороны, опустил туда руку и извлек большую – с половину поварешки – серебряную ложку, украшенную крупными рубинами и разноцветной эмалью. Это было именно то, чего ему так не хватало в последние дни. Олег впервые почувствовал нечто вроде удовлетворения по поводу удачной схватки с разбойниками и своего первого убийства. Стыдно, наверное – гордиться убийством, но нечто похожее все-таки возникло в его душе.

– Эй, смертный! – окликнул Середина с ладьи «новый фигурант». – Заплати виру за убитого, и мы отпустим тебя с миром!

– А разве я прошу отпустить меня с миром? – нахально заявил, подняв голову, Олег. – Идите сюда и заберите все, что хотите... Если сможете...

Он подошел к очагу, спокойно уселся рядом с огнем и подбросил еще немного дров. Согласно его интуиции, курицы запеклись от силы наполовину. Значит, следовало подождать еще как минимум полчаса. Из лука в него больше не целились, добровольцы вступить в рукопашную через борт не прыгали – так

отчего бы и не подождать?

– Он колдун, Любовод, – предупредил парня кто-то из корабельщиков. – Беяю глаза отвел, Хволына заморочил, Барызду чернокнижием своим обеспамятовал.

Список своих подвигов Олег выслушал не без удовольствия, хотя виду не подал, вороша одной из валежин угли в костре.

– Эй, колдун! – опять окликнул его парень, которого, судя по всему, звали Любоводом. – Ты убил моего воина и должен заплатить виру.

– А я уже заплатил, – ухмыльнулся Середин. – Он хотел получить мою одежду, сумку и саблю. Саблю он получил, мне не жалко.

– Но я лишился воина!

– Так спроси с него, – кивнул Олег на погибшего, – это он искал смерти, а не я.

– Он мертв, колдун!

– А это не мои проблемы, – независимо пожал плечами ведун и снова поворошил ярко-красные угли.

Разговор прервался примерно на четверть часа, в ходе которых парень что-то долго и оживленно обсуждал с корабельщиками, после чего снова обратился к Олегу:

– Колдун! Я хочу забрать тело своего воина и поговорить с тобой!

– Хоть килограмм, – отозвался Середин.

– Обещаешь ли ты, что не станешь чинить нам препятствия и нападать, покуда мы останемся на берегу и станем исполнять тризну?

– Обещаю, – не стал спорить ведун. – Я человек мирный, лишних ссор не ищу...

Тем не менее Олег сместился так, чтобы за спиной оказался густой орешник, пробраться сквозь который бесшумно было совершенно невозможно, а высаживающиеся на берег воины постоянно оставались на виду. Разворошив ногами угли, он копнул горячую землю, извлек затвердевшие глиняные комья, расколол один из них – в лицо дохнуло горячим ароматным паром. На несколько секунд ведун забыл про все на свете, наслаждаясь настоящим, не перемороженным, не травленным никакими добавками мясом, рассыпающимся на пряди, тающим во рту, несущим в себе истинный, живой жар огня и энергию земли, взятой на границе воды и суши. Добытый в быстротечной схватке нож ему не потребовался: плоть сама отделялась от костей, суставы легко рассыпались, стоило потянуть к себе ножку или крыло. Корабельщики тем временем споро завалили в лесу пару сухостоин, разрубили на бревна, вынесли их на песчаную отмель. Затем подняли на руки погибшего. Олег ощутил на себе ненавидящий взгляд лучника, дружелюбно улыбнулся, похрустывая жирным сухим крылышком.

– Земля маленькая, – вдруг еле слышно прошептал воин. – Еще встретимся.

– Не советую... – покачал головой Олег.

Корабельщики собрались на берегу. Человек двадцать, не меньше. Примерно половина были одеты в полотняные рубашки и штаны, но многие красовались в кожаных и войлочных куртках, а один и вовсе в ярко-синей шелковой рубахе. Большинство носили бороды, трое – только усы, пятеро были бриты наголо. У ведуна, наблюдающего с курицей в руках за подготовкой к тризне, имелось достаточно времени, чтобы спокойно пересчитать всех. С погибшего сняли меч, рубашку, одели во все новое – правда, оружие возвращать не стали, – уложили на невысокую, в два бревна, поленницу. Вместо тяжелого клинка под руку подсунули бурдюк с булькающей внутри жидкостью, в ноги поставили кувшин, в головах положили вещмешок. Угли поленницы sprysнули чем-то желтовато-вязким, похожим на моторное масло. Потом лучник, что-то пробормотав себе под нос, положил руку Радомиру на грудь, на живот, на лоб, присел. Послышался торопливый стук, и буквально через минуту у него из-под рук потянулся сизый дымок.

– Прощай! – громко и ясно произнес выпрямившийся лучник. – Ты был храбрым воином, но погиб не от руки более храброго, а от черного предательства, не в честном бою, а от гнусного колдовства. Но месть крови падет на твоего убийцу!

Воин простер над разгорающимся огнем свою руку, резанул возле запястья мечом, дал упасть в пламя нескольким темным каплям. Олег преувеличенно громко зачавкал куриной грудкой. Теперь, когда корабельщики уверовали в его магические способности, а воинственный порыв в их душах изрядно угас, он не боялся ни капельки.

С корабля приволокли к кострищу небольшой деревянный бочонок, несколько ломтей солонины, что-то длинное и светлое, пахнущее копченостью. Похоже на рыбу – но никаких костей не торчало. Не может же брусочек в руку толщиной и длиной метра в полтора быть филе? У бочонка выбили из крышки пару досок, стали зачерпывать содержимое глиняными кружками и, отлив чуть-чуть на землю, молча пить, пока не закусывая. В воздухе терпко запахло плодовым вином. Олег тоскливо сглотнул, но примыкать к компании не стал.

Тем временем огонь разгорался. От жара тело начало крючить – оно зашевелило руками, согнуло ноги.

– Прощается, прощается Радомир, – заговорили корабельщики, выше поднимая кружки, выплескивая понемногу вина в костер. – Смотрите, смотрите, жаворонки! Прилетели... Сейчас в арий понесут...

Ведун подумал, что ему пора собираться. Как бы, закосев от выпитого, ребята не захотели отомстить за товарища. Пьяному море по колено, его заклинаниями особо не напугаешь, гипноза он не воспринимает. Правда, и координация у них нарушена будет, да только рубиться одному против десяти все одно удовольствие ниже среднего. Торопливо оглодав кости, Олег скинул их обратно в яму под кострищем, разровнял землю ногой. Вторую птичку, все еще заключенную в глиняную темницу, он переложил в вещмешок, кинул туда же ложку, затянул узел. Повесил добытый в бою нож с красивой резной рукоятью из белой кости и костяными же ножнами себе на ремень.

«Эх, жалко фляги у разбойника не было! – подсадовал ведун. – Набрал бы воды себе в дорогу. А так придется вдоль берега идти».

– Странник, стой! – неожиданно окликнул его парень, бывший на ладье за главного. Молодой человек отделился от справляющих поминки корабельщиков и направился к Середину, сжимая в одной руке кружку, в другой – большой кусок белого мяса. – Не торопись, дай словом перемолвиться.

– Отчего не перемолвиться, – пожал плечами Олег, забрасывая за спину походную суму и поднимая с земли трофейный же щит. – Для доброго человека слова не жалко.

– Купец я, странник. Любоводом меня зовут. Вот, плаваю по рекам русским, шелка и пряности на меха да криницы меняю. Пеньку беру, сало, солонину да мясо сушеное. Могу шкуры на соль самоварную сменять, коли выделка добрая. А ты кем будешь?

– Звать можно Олегом, – пожал плечами Середин. – Торговать мне нечем, потому как за душой ничего не имею. Бреду, куда глаза глядят, вот и все мое занятие.

– Странное имя, Олэг... – удивился купец. – Ты, варяг сказывал, колдун? Глаза им с Радомиром отвел, а потом бедолагу и зарезал?

– Что тут говорить, зарезал, – недовольно поежился Олег, которому сразу расхотелось продолжать разговор. – Нечего с луками и мечами у прохожих случайных добро вытрясать. Так что с них и спрашивай. Не я первым свару начинал, не с меня и спрос.

– Постой, колдун Олэг, – взмахнул зажатым в руке мясом купец, и Середин понял, что это все-таки рыба. Только она может лежать такими ровными, легко отделяющимися друг от друга пластиночками, словно дольки в пузатом мандарине. – Постой. Ты ведь моего воина убил. Виру я с тебя не требую, потому как ты добро свое защищал, однако же заменить ты его должен.

– Кому должен? – криво усмехнулся Олег.

– Свести, – пожал плечами Любовод, поставил свою кружку на землю, положил мясо сверху. – Ты лишил меня воина. Поэтому, по русской правде, обязан выполнить взятые им обязательства.

– Лучше нужно было следить за людьми!

– Не нужно было убивать, – спокойно ответил купец. – Пока он был жив, за себя отвечал он. Теперь это должен делать ты, раз лишил его этой возможности. Мне нет дела до ваших ссор, но я нанимал двенадцать воинов, и мне нужны все до

единого. Тебе придется заменить Радомира, или я поклонюсь боярину Любытинскому о свершенном душегубстве.

Середин презрительно хмыкнул, хотя промеж лопаток и побежал неприятный холодок. Оказаться в розыске ему совсем не хотелось, как бы ни относились в этом мире к подобным преступлениям. Кстати, про русский обычай, когда убийца отвечал по долгам убитого, он что-то слышал – однако чувствовал, что Любовод как-то хитро мухлюет.

– Не упрямясь, Олэг, – покачал головой купец. – Я тебя не на правеж требую, а долг по смертоубийству отдать. А я тебе оговоренное с Радомиром серебро отдам, как в Новгород вернемся.

– Куда?! – изумился Середин.

– В Новгород, – повторил Любовод. – Новгородские мы. Дом у меня там, отец лавку держит.

Новгород... Русские земли... Ладыя... Криксы... Деревни без тракторов, без электричества... Получалось, он находится где-то почти дома, вот только явно не в том мире, к которому привык.

– А скажи, купец, какой сейчас год?

– Три тысячи триста осьмой. Никак, год запомнил? – хохотнул купец.

– Оба-на... – охнул Середин. – Вот это ква-а...

В голове тут же замелькали классические фантастические сюжеты с ядерной войной, гибелью цивилизации, новым ее возрождением на уровне каменного века... Вот только, летосчисление в таком случае почти наверняка должно было измениться, обычаи-то у корабельщиков ну никак не христианские: не крестятся, мертвых жгут, бога и черта не поминают.

– Три тысячи – это по греческому календарю?

– Чур тебя, странник, – отмахнулся Любовод. – По нашему, русскому. Три тысячи осьмой год от основания Словенска и Старой Руссы. Да ты, никак, не в себе?

– Точно, не в себе, – моментально согласился Середин. – Так что, пойду я...

– Не бегай от правежа, странник, – улыбка моментально слетела с лица парня. – Токмо лишний долг нагуляешь. Иди ко мне на корабль. Виру прощу, за службу отблагодарю... Задаток дам... Тебе же все едино, куда ноги несут? Так лучше в Новгороде по мостовым дубовым погулять, нежели хвою лесную месить, да от волков на ветках отсиживаться.

На этот раз Середин заколебался. Не то чтобы поверил в правдивость требований Любовода – торговцам, известно, как и журналистам, верить нельзя. Обманом живут, с того только и капитал имеют. Однако же место на борту ладьи позволяло практически сразу перенестись из лесных дебрей в центр здешней цивилизации. К тому же, как помнил ведун, заклятие Велесовой книги обязано вести его к ответу на заданный вопрос. И кто знает – а не оно ли заманило новгородскую ладью в эту узкую речушку?

– Куда же я к тебе пойду, купец, коли твои воины меня убить поклялись? – кивнул в сторону правящих тризну корабельщиков Олег. – Я, может, и не в себе, но не до такой же степени!

– Да, – оглянулся купец, – Урий был очень дружен с Радомиром. Но только здесь хозяин я, а не он. И убивать кого-то можно только по моему приказу. Пойдем...

Он забрал с земли свою кружку, пошел к выпивающим воинам:

– Урий! Колдун Олэг поплывет с нами вместо Радомира, взамен виры за убитого. Поклянись, что до новгородских врат ты не поднимешь на него меча и не станешь оскорблять словом али жестом.

– Как же это, хозяин? – хмуро покосился в сторону Середина лучник. – А коли он меня зарезать захочет али поносить станет – мне и ответить нельзя?

– Он не станет, Урий.

– Я не подниму на него меча первым, хозяин, и не скажу бранного слова. Но коли он станет поносить или нападет, то я зарублю чернокнижника так быстро, что он не успеет закрыть своей поганой пасти.

– Клянешься?

– Не поднимать меча первым? – нехорошо улыбнулся Урий. – Клянусь могилой отца, хозяин, я не стану первым трогать колдуна, коли он не оскорбит меня словом или жестом.

Воин обнажил меч, поцеловал его и кинул обратно в ножны. А затем повернулся к Середину спиной.

– Радомир договаривался на три гривны кун серебром, – таким тоном, словно все уже решено, сообщил купец. – Стало быть, девять денег с меня задатка...

Новгородец расстегнул поясную сумку из толстой жесткой кожи, развязал один из лежащих в ней мешочков, ловко отсыпал девять монеток, похожих на новенькие российские рубли, взял Олега за руку, повернул ладонью вверх, ссыпал деньги в нее:

– Так ты клянешься защищать корабль, товар и меня так, как только умеешь, покуда мы не войдем в ворота Новгорода?

– Что поделать, – вздохнул Олег, сжимая кулак, – обещаю.

– Ага, – довольно кивнул парень. – Ну, тогда пошли на ладью. Нехорошо тебе, убивцу, на тризне живым гостевать. Ступай со мной.

Попав на палубу, Середин понял, что по размерам торговый корабль все-таки «Икарус» превышал, причем весьма заметно. Раза в два в поперечнике и примерно на столько же в длину. В центре ладьи, естественно, находилась широкая крышка трюма, укрытая куском парусины; мачта из цельного соснового ствола лежала вдоль левого борта, вытягиваясь от носа до самой кормовой надстройки. То бишь, до сарая, замеченного ведуну еще с первого взгляда. Кормовое весло, или руль, выступало тоже у надстройки, но по правую сторону. Ближе к носу борт заметно повышался, с высоты до пояса поднимаясь до уровня

грудь. От борта до борта был натянут изукрашенный холщовый навес, под которым лежало несколько тюфяков и сидели две девушки лет по двадцать в темных платьях, с синяками под глазами и со спутанными волосами. Любовод, ступив на палубу, повернул к ним, поставил свою так и не выпитую кружку с ломтем копченой рыбы между тюфяков, поманил ведуна:

– Идем, вещи положишь. Еды у тебя нет? Не протухнет? Припас лучше в носовой трюм кидать, там прохладнее.

– А это что за бабы? – кивнул в сторону девок Олег.

– Невольницы, – отмахнулся купец. – Взял полонянок немецких, дабы мужикам в пути не так скучно было. Коли заскучал в лесу, можешь побаловаться. Вот, сюда спускайся, там мешок сбрось.

Люк в кормовой трюм оказался за «сараем». Ведун спрыгнул в небольшую, пахнущую пылью и мышами, каморку от силы три на три метра, с полками во все стены и грудой пеньковых канатов в центре, снял мешок, кинул его в угол к еще нескольким котомкам и запоздало подумал, что, закрой сейчас парень крышку – и окажется он в плену, в ловушке без окон и дверей. Но купец недобрых мыслей не питал – даже руку протянул, чтобы помочь выбраться, – и Олег окончательно уверился в правильности своего решения. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Пешком он еще наверняка нагуляется.

– И куда мы теперь плывем, Любовод?

– По Прпкше до Белой, там мимо Любытина во Мету выйдем, а уж она к самому Ильмень-озеру и приведет.

– Долго это?

– Да дня четыре потратим. Нам, главное, Любытин завтра спокойно пройти. Боярин, знамо, мыт истребовать захочет, да токмо я к нему торговать идти не хочу, потому и платить не стану. И ты с прочими ратниками тому должен стать порукой. Откель ты, кстати, колдун?

– Я не колдун, Любовод, – покачал головой Середин. – Колдуны – это те, что магией своей прибыток получить желают. Себя поднять, других припугнуть, злобу свою черную на слабом сорвать. А я – так, ведаю кое-что в этом деле, да пользуюсь, коли нужда заставит.

– Ведун, значит? – кивнул купец. – То ладно. Как желаешь, так и обзывайся. Токмо откель ты здесь взялся, Олэг? Знамо, места окрест болотные, хода ни конному, ни пешему нет.

– Хороший вопрос, – рассмеялся Середин. – Тебе подробно рассказать или вкратце?

– Ты мне правду скажи, ведун.

– Вкратце я тебе, Любовод, могу сказать только одно: никогда не шути с заклинаниями.

Купец задумался. Олег между тем отошел в сторону и уселся на теплые струганные доски, привалившись спиной к борту.

Нет, пожалуй, все получалось на удивление хорошо. Он за последние дни так ноги истоптал, что скоро и чувствовать перестанет. Почему бы не отдохнуть несколько дней? Особенно с учетом того, что за время отдыха он попадет в славный город Новгород. Возможно, уже Великий.

Корабельщики закончили тризну где-то через час, бодро полезли на палубы. Некоторые сунулись было к девкам, но бородатый мужик в шелковой рубаше, занявший место у рулевого весла, грозно цыкнул:

– А ну, куда претесь, варяги бестолковые! На корму все, быстро! Мечеслав, Богдан, весла берите, от берега отталкивайтесь. Приготовились... Толкай! – И кормчий с силой навалился на весло, подворачивая корму к берегу.

Ладья, нос которой, благодаря переходу всех людей на корму, приподнялся, величаво качнулась, неожиданно громко зажурчала скользящая под киль вода, торопливо побежали вдоль борта, сменяя друг друга, двое корабельщиков, старательно отталкиваясь длинными веслами со странно узкими лопастями.

Судно неспешно выкатилось на стремнину и начало постепенно набирать ход.

– Все, бездельники, можете валяться брюхом кверху, – разрешил кормчий, работая веслом. – Только и умеете, что баб портить да белорыбицу дармовую жрать.

– Да брось, деда Боря, – неожиданно воспротивился оскорблению один из молодых корабельщиков. – Пустил бы меня, да сам отдохнул.

– Тебя только пусти, – нервно дернул себя за бороду кормчий, щурясь на что-то впереди. – Река узкая, тут сноровка нужна немалая. Пустите ладью на дрова – на чем я домой вертаться стану?

– Деда...

– А ну, цыц! Не суйся под руку! – Кормчий несколько раз гребнул веслом, поворачивая корабль, и Олег понял, почему мачта ладьи была снята: всего в паре метров над палубой пронеслось склонившееся к воде дерево. – О следующем разе его, родимое, ужо пилить станем. Ну, скоро вязь Тихорская начнется, легче станет.

– Хельгой меня зовут. – На палубу рядом с ведуном шумно уселся воин, которого всего полдня назад Середин огрел по голове кистенем – на железной шапке остались две довольно глубокие вмятины.

– Голова не болит? – Олег сунул руку в карман косухи, к кистеню.

– Не, не болит, – хохотнул корабельщик. – Благодарствую тебя, колдун.

– За что? – удивился Середин.

– Дык, по шапке дал, не по загривку. Мог и убить, да не стал. Это я, как оклемался, враз понял.

– Тогда не называй меня колдуном, Хельга, – попросил Середин, выкладывая руку обратно на колено. – Я не люблю колдовать, просто умею. Ведаю это мастерство.

– Ведун, значит, – понимающе кивнул воин. – А звать как?

– Олегом.

– Хелегом?

– Олегом, – поправил Середин.

– А меня Хельгой, – повторился корабельщик. – Коли ты заместо Радомира остался, то, стало быть, в один круг с нами сторожить попадаешь, с Урием и со мной.

– Что сторожить?

– Все едино. Кто на нос, кто на корму, кто возле трюма крутится. Днем-то и так догляд со всех сторон, да и ладья плывет. А коли ночь, так и приплыть кто может из ближней деревни, скрасть что с корабля. А лихие люди, коли появятся, так и вырезать всех могут, либо хазарам в невольники продать.

– Случается?

– Кто знает? Вода следов не бережет. Кто сплосал, тот не расскажет. – Воин звонко прибил комара у себя на щеке. – Вот и вязь Тихорская. Скоро Белая начнется, можно будет мачту ставить.

Олег приподнялся и выглянул наружу. Оказывается, лес и вправду исчез, превратившись в чахлые березки, что торчали тут и там на сером мшистом просторе. Кое-где виднелись сосенки – однако и это были уродливые карлики. Прикша, перестав вилять среди обрывов, текла строго по прямой, словно кто-то по линейке русло для нее прорезал.

«Интересно, – подумал Середин, – это что же, дорога, по которой я из деревни двинул, в топь упирается?»

Получалось, что так. Впрочем, деревенские от такой жизни наверняка не унывали. Болота да вязи надежнее любого тына защищали их от всякого рода

разбойников и бродяг, а самим в люди выехать – так летом на лодке можно, а зимой и вовсе по реке санным поездом.

– Эй, ведун! – появился из «сарая» хозяин ладьи. – Иди сюда, перемолвиться с тобой желаю.

– Ну вот, – вздохнул Олег. – Не успел наняться, уже «на ковер» вызывают.

Он даже не ожидал, насколько окажется прав. Широкое хозяйское помещение примерно четыре на четыре метра ковры устилали в самом прямом смысле этого слова. Пушистые бухарские, с ворсом в ладонь толщиной, лежали внизу, войлочные турецкие висели на всех стенах... Или Турции в этом мире не существует? Ладьи, помнится, были в употреблении давно... Очень давно... На них ушкунники Золотую орду грабили, в Норвегию ходили, по Оби в дикие земли. В общем, не меньше тысячи лет в употреблении находились, по такому изделию точно датировки не добиться.

– Садись, Олэг, – указал купец на место перед расстеленной на полу скатертью, – угощайся, гостем будь. Дай, я тебе вина налью древлянского. Белорыбицы отведай итильской, мясца соленого.

– Спасибо, не откажусь...

Придержав ножны, чтобы сабля не попала под ноги, ведун опустился, взял небольшой ломтик рыбы, положил в рот... Слабо соленая рыбка оказалась настолько нежной, словно на язык попал только запах – пахнуло дымком, ощутился легкий привкус жирка, ан рыбки-то уже и нет, растворилась, будто леденец. А вот вино было полной противоположностью: густое, как свежий мусс, оно пахло пряностями, вязало рот, точно черноплодка, и имело яркий вкус терпкого вишневого сока. Олег с огромным наслаждением выпил всю налитую кружку и собственноручно наполнил ее снова, туг же сделав еще несколько глотков.

– Ты ничего не чувствуешь на моей ладье, ведун?

– Я? – Середин пожал плечами. – Да вроде ничего.

– Совсем?

На этот раз Олег чуть помедлил с ответом... Нет, крест холодный, предчувствия никакого нет...

– Нет, ничего не чувствую.

– Видать, плохой ты ведун, Олэг, – вздохнул купец. – Проклята оказалась эта ладья. Вещий Аскорун, волхв ильменский, предрек кораблю сему игрушкой чар колдовских, чернобожских стать. Кружиться путями неведомыми, царствами живыми и мертвыми. А мне предсказал встречу с пучиной и обитателями ее вод, холодными и горячими.

Любовод нервно схватил кружку вина и осушил ее одним глотком. Потом расстегнул кафтан, грубо отшвырнул его в угол, оставшись в ярко-синей шелковой косоворотке с алым воротником. Похоже, зажатый глубоко в душе страх пытался вырваться наружу.

– Мы и к знахарке ходили, что при краде Перунской прижилась, и волхва просили беду отвести, колдунам серебром кланялись – никто беды отвести не берется. Пытался я знакомого одного опытного с собой зазвать – отказался. Да что знакомец, команда, как прослышала, разбежалась вся! Токмо кормчий отцовский, Борислав, и не спужался. Корабельщиков пришлось двойным серебром сманивать, да и то только трое согласились. Судовую рать и вовсе из варягов набрал. Голытьба нищая, ленивая. Про вино токмо помнят, да невольниц вконец замучили, не продать дома будет. За серебро поначалу согласились, а сейчас норовят прибавки вытребовать, уйти грозят. Боюсь, сбегут, как случай станет. Четыре дня мне осталось до дома дойти. Коли и случится предсказание, то сейчас. Сегодня, завтра. Самое позднее – на Ильмене. Перед Новгородом, думаю, нечисть озерная шалить побоится, боги родные защитят.

– Что же ты сам поплыл в дикие земли, если такое предсказание получил?! – забыл про угощение Олег.

– Коли на роду утонуть написано, – с предельным фатализмом пожал плечами Любовод, – то от воды ни в подвале, ни под одеялом не скроешься. Все едино она тебя найдет. Чего прятаться?

– Это верно, – удивился Середин столь неожиданному слиянию покорности судьбе и безрассудной отваги.

Он встал, приоткрыл полог, посмотрел по сторонам. Мох, полудохлые березки, местами поблескивают болотные окна. И никуда здесь с корабля не выпрыгнешь, не убежишь. Хитер, однако, купец. Сразу про беду не сказал – подождал, пока новому знакомому деваться станет некуда.

– Вот, стало быть, Любовод. почему ты так рьяно уговаривал меня заменить на ладье Радомира! – оглянулся на парня Олег. – Тебе был нужен не воин, а колдун. Ты все еще надеешься снять проклятие, изменить судьбу.

– Ты поклялся защищать корабль и меня так, как только умеешь.

– Ну ты жук! – покачал головой Середин. – Что ни говори, а ты меня все-таки обманул.

– Если бы я рассказал тебе про все сразу, ты бы сбежал, – пояснил купец с таким видом, словно это умозаключение могло оправдать коварную хитрость.

– Жулик.

– Я заплачу тебе вдвое против уговора, коли сможешь добраться домой.

– Как долго еще будут тянуться болота?

– До речки Белой и еще полпути до Любытина. Ты хочешь убежать?

– Конечно, хочу, – взялся за кружку с вином Середин. – Только не могу. Во-первых, некуда. Во-вторых, я дал тебе слово... Хоть ты и мошенник. А я никогда не нарушаю своих обещаний.

– Я заплачу втрое.

– Хорошо. – Вообще-то «хорошо» относилось к просьбе помочь, а не к обещанию утроить вознаграждение, но поправляться Олег не стал. – А теперь, Любовод, помолчи немного, дай мне подумать.

Середин выдернул нож, отрезал себе еще кусочек рыбы, перекинул его в рот и полуприкрыл глаза, пытаясь разобраться в услышанном.

Итак, корабль должен стать игрушкой водяной нечисти, а его хозяин – сгинуть в пучине. Скорее всего, второй пункт прямо истекает из первого, и потому позаботиться следует в первую очередь о корабле.

Ведун расстегнул молнию на своей сумке, заглянул внутрь. Мелки на месте. Можно просто очертить борт, защитив всех присутствующих на палубе, вот только... Только под водой никаких линий не проведешь, и днище ладьи останется в полном распоряжении нечисти.

– От, электрическая сила... – недовольно пробормотал Олег.

– Какие у тебя странные застёжки на сумке и поддоспешнике, – перебил его мысли купец.

– Застёжки как застёжки, – пожал плечами Середин, – «молния» называется. Закрывает крепко, только работа очень кропотливая, пока каждый из маленьких замочков на свое место приклепаешь.

– Сам делал?

– Нет, – даже удивился ведун. – Купил готовую. Эти штуки на станках шлепают.

– Рабы?

– Нет, вольные ремесленники... – Олег понял, что так просто купец не отстанет, и решил послать его с бессмысленными расспросами куда подальше: – Это китайцы лепят. Такие, желтолицые и узкоглазые.

– А-а, те, что за большой Китайской стеной живут? – Любовод рассмеялся. – Да, и вправду китайцы. А я думал, у них токмо шелк выделяется.

– У них много чего выделяется. Ты хочешь, чтобы я ладью твою защитил, или нет?

– Извини, ведун, – запнулся парень, приложив руку к укрытой глянцевым шелком груди, – уж больно застежки странные.

– Ничего... – отмахнулся Середин, глядя, как купец доливает ему в кружку вино. – Много вокруг странного...

«Значит, – подумал он, наблюдая за темно-бордовым водоворотом у себя в кружке, – значит, угрожают нам твари водяные. Стало быть, их можно отпугнуть, сделав корабль для всех обитателей вод опасным. Примерно так, как ворон отпугивают, развешивая возле участков дохлых птиц. Правда, всякого рода болотников, водяных, русалок, анчуток обычной дохлой рыбиной на носу не проймешь... Но ведь энергетику смерти водяным тварям можно и усилить!»

– Мне нужны рыбы кости, – быстро начал перечислять ведун, чувствуя неожиданное возбуждение от возможности проверить на практике свои знания. – Еще лучше – рыба голова. Потом потребуются огонь, глина, чуток жира и масляная лампа. Масляная лампа есть?

– Конечно! – Купец торопливо поднялся, отошел к одному из выставленных вдоль сенок сундуков, откинул крышку и извлек нечто, похожее на чайник с очень длинным носиком. – А рыба у меня токмо соленая и вяленая.

– Пойдет, – кивнул Середин. – Теперь ищите место, где можно взять глину и развести костер.

К его удивлению, этот вопрос решился быстро и просто. Болота – это все ж таки не моря, островов на них хватает. Когда один из таких, покрытый не хилыми чахоточными деревцами, а высоким густым березняком, оказался неподалеку от пробитого течением русла, кормчий повернул ладью, и прочный, как сталь, киль из мореного дуба, прорезав толстый торфяной слой, уткнулся в берег. Купец и еще несколько корабельщиков вслед за Олегом выпрыгнули на поросший густой травой берег.

– Любовод, зажги лампу, запали от нее костер и сожги на углях рыбы кости и головы, которые есть, – распорядился ведун. – Мне понадобится только костная зола. А я пока глину поищу...

Глина для любого амулета требуется качественная: не слишком влажная, чтобы форму держала, без примесей песка или травяных корешков – иначе рассыплется, растрескается. Для начала Середин копнулся под корнями деревьев – но там обнаружился такой мусор, что расчистить его не было ни малейшей надежды. Тогда ведун спустился к берегу, разгреб поросший осокой торф, ковырнул дно – глина. Олег сместился чуть выше и над самым срезом воды с помощью ножа начал рыть норку шириной с руку. Поначалу глина шла пополам с корнями и даже прелой листвой, но сантиметров через двадцать превратилась именно в то, что нужно – в жесткую и сухую, но нерассыпчатую светло-коричневую массу. Набрав добрую горсть, ведун направился к пылающему неподалеку костру.

Явно повеселевший купец ворошил кривым сукон собранные на острове сухие ветки, чтобы быстрее прогорали, и даже напевал что-то себе под нос. Шелковая косоворотка была расстегнута полностью, из-под нее выглядывал тонкий шнурок с крохотной, не больше желудя, серебряной амулеткой.

– А это что? – кивнул на нее Середин.

– Это... – опустил глаза парень. – Амулет это мой, на удачу. Отец сказывал, мать подарила.

– А почему «сказывал»?

– Дык, не видел я матери ни разу, – поморщился Любовод. – И отец ничего говорить не хочет. Нянька, помнится, и вовсе подкидышем меня называла, я пару раз слышал. Но то вранье. Мы с отцом похожи, прямо как братья. Разве по бороде и отличишь. Так что сын я его, точно сын.

– А посмотреть можно? – протянул было левую руку ведун – и тут же отдернул, испуганный внезапной болью у запястья. Освященный крест остыл так же мгновенно, как и раскалился, но кожа продолжала зудеть, не в силах забыть страшного ожога.

– Не дам, Олэг, – покачал головой купец. – Отец настрого запретил чужакам показывать.

– Ну, и не надо, – согласился Середин, потирая обожженное место. – Как головы, перегорели?

– Снизу лежат, усыхают, – снова поворошил хворост Любовод. – Как угли прогорят, так и они испепелятся.

– Ладно, подождем, – кивнул ведун, усаживаясь рядом. – Костер от лампы зажигал? Для талисмана важно, чтобы породитель силы выходил из одного источника.

– От лампы, – подтвердил парень.

– Давай ее сюда. – Ведун потушил лампу, из носика отлил на глину немного масла и принялся тщательно разминать. Все складывалось одно к одному: масло и источник силы для огня, и глину размягчить может, и не высохнет, как вода, не даст талисману потрескаться.

Со стороны ладьи слышался шлепок, плеск от тяжелых шагов. К огню вышел хмурый Урий, остановился, широко расставив ноги:

– Воины волнуются. Долго еще на болоте стоять будем? Комары здесь, и места недобрые.

– Я вам плачу не за вопросы, а за то, чтобы их не было, – резко отрезал купец. – Ведун о вас же заботится, корабль защитить хочет.

– Противно здесь, хозяин, – упрямо набычился варяг. – Ночь скоро. Как бы посередь вязи не остаться.

– Здесь скал нет, можно и ночью плыть, не разобьемся, – покачал головой Любовод. – Ступай. Как пора будет, так и тронемся.

Середин закончил разминать ставшую пластичной глину, взял у молодого купца палку, поворошил угли, кончиком ножа подцепил золу и мелкие кусочки полуобгоревших костей, пересыпал на сально поблескивающий комок у себя в руках. Сразу пахло паленым, глина стала матовой, темной. Ведун разделил комок на две половинки, расплющил их и кончиком ножа на каждом нарисовал

символ гармонии – двойной круг, куда вписал большой треугольник, линии из вершины которого переходили в маленький треугольничек меж двумя окружностями. Поверх маленького треугольника Олег начертал обратный, отводя символику каббалистического знака в потусторонний мир, изобразил в центре похожий на петлю гистерезиса листок, символизирующий глаз. Затем выложил почти готовые талисманы в расчищенный центр кострища и начал наговаривать заклинание, одновременно нанося зарубки на стороны треугольников:

– Встану среди ночи, вылезу из печи, посмотрю на звезды, уйду под землю. Выгляни, Чернобог, в ночь темную, в ночь непроглядную. Открой своим слугам глаза, открой уши, открой нюх. Пусть они галдят-веселятся, над путниками насмеются, с колдунами встречаются, болотниками советуются, а беды опасаются. Не пусти, Чернобог слуг своих верных к беде-пропаже, костру жгучему, кости колючей, золе чихучей. Аминь!

Наверное, для язычника Любовода последнее слово показалось странным, но для заклинания оно требовалось не как символ веры, а как энергетическая точка, замыкающая наговор.

– Что теперь? – опасливо прошептал купец.

– Почти все. – Ведун подобрал готовые талисманы. – Теперь возвращаемся на ладью.

На корабле Олег пробрался под пологом на самый нос, сдвинув край ткани, выглянул наружу и, встав на специальную приступку, аккуратно срезал ножом нижнюю часть одного талисмана, прилепнул его открывшейся масляной сердцевинной резной голове лебедя на макушку, а затем, кроша отрезанной частью вдоль борта и нашептывая себе под нос наговор, быстро пробежал на корму, прилепнул второй талисман на кормовой доске, выступающей вверх уже без всяких украшений. Завершая линию защиты, раскрошил отрезанный от второго талисмана край вдоль второго борта.

– Все! – с облегчением перевел он дух. – Теперь нашему кораблю никакая водяная нечисть не страшна.

– Чему быть, того не миновать, – высказал неожиданную сентенцию молодой купец и махнул кормчему: – Отчаливай, деда Боря!

И опять все люди перешли на корму, двое корабельщиков веслами отпихнулись от острова, выталкивая ладью на стремнину. Корабль подхватило течение и стало старательно разгонять в сторону недалекого Новгорода.

– Эй, варяги, – застегивая рубашку, распорядился Любовод. – Щиты на борта вывесите, да оружие приготовьте, луки держите на виду. Мимо Любытина поплывем, как бы боярин чего недоброго не учудил. Мыслью я, коли среди топи ночевать не хотим и ночью поплывем, так и город в темноте миновать станем. Кабы не учудил чего спросонок боярин-то...

Плавно покачиваясь, несмотря на полное отсутствие волн, ладья катилась по темной полосе воды, прочерченной меж серых просторов Тихорской вязи. Солнце постепенно влеклось к закату; тихий плеск из-за борта, ритмичное женское попискивание с носа корабля навевали усталую дремоту.

«Да, в общем, и не удивительно, – подумал Олег, возвращаясь на свое место рядом с Хельгой, – день сегодня выдался долгий...»

Он прикрыл глаза, собираясь немного отдохнуть, а когда его тронули за плечо, с удивлением обнаружил, что вокруг стоит глубокая ночь.

Воздух наполняла приятная прохлада, с чистого безоблачного неба за путниками следила огромная, чуть желтоватая полная луна, окруженная тысячами ослепительных, словно отблески электросварки, звезд.

– Наша очередь, Олег, – негромко сообщил варяг. – Урий на носу уже стоит. Тебе, стало быть, на корму. На рассвете в круг Оскар выйдет, с Вальтером и Глебом.

Середин, зевнув с риском вывихнуть челюсть, поднялся, поправил саблю, пригладил волосы и, зевнув еще раз, отправился в сторону сарая.

На руле стоял не старый, умудренный опытом Борислав, а тот самый мальчишка, что предлагал ему утром помощь. И рулил он не как дед, а постоянно работал веслом, словно венецианский гондольер. Гребок, чуток подправил направление

движения. Гребок – опять подправил. Правда, делать это у паренька получалось совершенно бесшумно, и ночную тишину разрывало только осторожное шипение воды за бортом. Болото, похоже, сменилось редколесьем – в неясном лунном свете по обеим сторонам реки проплывали крупные, кажущиеся в сумерках тяжелыми и массивными, кроны деревьев. Однако же до густого соснового бора, присущего сухим местам, берегам было далеко. В воздухе время от времени проносились темные силуэты, но крест у запястья не грелся. Либо просто летучие мыши комаров отлавливали, либо заклятие не давало болотной нечисти приблизиться на опасное расстояние.

– Ты не спишь, колдун? – При виде Урия рука Середина невольно дернулась к рукояти сабли. – Иди на нос, теперь твое время на ветру стоять. А я тут за стеночкой отдохну.

Олег немного поколебался, но решил не спорить: почему, действительно, местами не поменаться, чтобы все было по справедливости? Стараясь не топтать, он прошел по палубе вперед, перешагивая через тела спящих воинов и корабельщиков – спальных отсеков на ладье не предусматривалось, – кивнул облокотившемуся на борт Хельге, поднырнул под навес и выбрался возле коричневого «лебедя», украшающего нос. Уселся на подставку, с которой добирался до головы носового украшения. Здесь вода не шипела, а мерно шелестела, словно днище скользило по густой траве. Идеальная гладь реки казалась отлитой из обсидиана, и только пробегающие изредка водомерки подсказывали, что здесь существует обыкновенная, земная жизнь.

Послышался негромкий всплеск, над водой начали клубиться струйки тумана. Они тянулись к кораблю, словно призраки гигантских анаконд сошлись вместе, выросли выше головы, и буквально за пару минут корабль исчез в густом тумане.

Под тентом запыхтели, из-под ткани высунулся варяг:

– Ты это, колдун... Коли препятствие увидишь, ори сразу. Токмо не «Бревно!» али «Камень!» – а где торчит. Там: «Справа!», «Слева!». А то кормчий не поймет, куда отворачивать.

– В таком тумане нужно не отворачивать, а в дрейфе лежать.

– Дык, дно мягкое, русло прямое... Проскочим.

– Нужно было не от нечисти, а от дурости заговор делать, – покачал головой Середин.

– Что, есть такое? – удивился Хельга.

– В том-то и дело, что нет, – вздохнул ведун. – Ладно, иди. Я все понял.

Варяг исчез под пологом, оставив впередсмотрящего наедине с туманом и журчащей водой. Олег, изо всех сил напрягая зрение, всматривался вперед, но ничего не происходило. Мерно журчала вода, накатывались, чтобы уйти за борта, низкие берега, изредка проносились над водой стремительные тени, старательно пели в болоте лягушки. Мир вокруг пах влажностью и спелой брусникой. Хотя для таковой по календарю было еще слишком рано...

Наконец туман начал светлеть. Запели утренние птахи, налетел отдохнувший за ночь ветер. Из-под полога появился бородатый детина в черной войлочной тюбетейке, укрывающей любовно выбритую лысину.

– Все, гуляй, колдун. Моя очередь.

* * *

Когда Олег проснулся, над рекой все еще висел густой туман. Все, что находилось за пределами лабды, растворялось в светлой пелене, вяло покачивающейся, но и не думающей рассеиваться. Желудок недовольно заурчал, напоминая, что неплохо бы и позавтракать. Ведун поднялся, отправился к хозяйской каюте:

– Тук-тук, – шлепнул он пару раз по пологу. – Можно?

– Да. – Полог почти сразу откинулся, купец выглянул наружу: – Все еще висит? Мы, часом, не умерли ночью, ведун?

– Не знаю как ты, Любовод, – покачал головой Олег, – а я еще жив.

– За что же великий Стрибог обиду на нас держит? Может, обидел ты его действием своим, ведун?

– Разве могли светлые боги обидеться за то, что ты сохранил свою жизнь и добро, Любовод?

– Не знаю... – Купец скрылся в сарае, но почти сразу вернулся с кружкой и горстью сушеного мяса в руках, подошел к борту, несколько раз плеснул в воду понемногу вина: – Тебе, Стрибог, вам, Тур и Белее, тебе, великий Сварог.

Вслед вину парень высыпал сушеное мясо, а остаток вина допил. Наклонился через борт, сильнее, сильнее... Середин метнулся к нему, в последний момент перехватил за пояс, ворот, рванул к себе:

– Ты чего, купец?!

– Я?! – удивленно выдохнул Любовод, отер покрытый испариной лоб. – Не знаю... Вода-то там течет и течет... Поманило... – Он снова тяжело выдохнул: – Благодарю тебя, колдун. Я ведь чуть не того...

– Не колдун я, – напомнил Олег. – Есть чего-то захотелось. Как там, в кормовой трюм заглянуть можно или разрешение нужно спрашивать?

– Да смотри, – махнул рукой купец. – У нас на ладье татей нет, мы за добро не боимся. Нет, постой... По уложению, я всех корабельщиков кормить должен.

– Это неплохо, – кивнул Олег. – Только у меня там курица запеченная. Будет жалко, коли испортится.

– Ну, смотри... – Купец оглянулся на борт ладьи, шагнул было к нему, но вдруг резко замотал головой и торопливо метнулся в каюту.

Середин обошел кормовой сарайчик, спрыгнул в люк, почти на ощупь нашел там свою заплечную суму, развязал, достал глиняный ком, выбрался на палубу, вернул крышку на место, расколол глину прямо об него, а потом принялся неторопливо извлекать уже холодные, но от того не менее вкусные кусочки, выбрасывая обгрызенные кости прямо за борт. В конце концов, кости – это не

стекло. Это мусор естественный, природой легко усвояемый.

– Глина, кстати, тоже не полиэтилен, – добавил он, закончив с едой, и вышвырнул туда же осколки.

Снаружи продолжала тихонько шуршать вода, радостно пели птицы, словно грелись на ласковом полуденном солнышке. А на палубе было сыро и довольно прохладно.

– Кончится это когда-нибудь или нет! – слышался недовольный голос. – Кормчий, к берегу поверни! Хоть костер разведем да солонины обжарим!

Ответа не последовало, однако звук изменился. Шорох сменился веселым журчанием, корабль качнуло. Середин взялся рукой за борт, ожидая толчка, но ничего не происходило. То ли кормчий не стал поворачивать, то ли... Русло стало шире?

Олег обогнул кормовой сарай, дошел до навеса, глядя вперед, но никак не различал ни перед изогнувшим деревянную шею «лебедем», ни по сторонам ни деревьев, ни кустарников. Ничего, кроме воды...

– Эй, Борислав! Хватит версты отмерять, жрать хотим! – слышался уже другой голос.

– Ничего не понимаю, – негромко, но вполне различимо пробормотал кормчий. – Здесь никогда не встречалось разливов.

– Ты никак заблудился, дед? Мы десять дней назад сюда заплывали! Нет на Прикше озер. Хватит баловать, поворачивай к берегу!

– Мечеслав, Богдан! – с неожиданной злостью закричал Борислав. – Весла берите! Не видите, ладья руля не слушается. Славомил, Игорь, тоже шевелитесь!

Только теперь Середин понял, что отверстия в бортах на уровне палубы предназначены отнюдь не для слива воды во время шторма, а являют собой обычные уключины. Четверо корабельщиков, просунув каждый по лопасти в эти

дыры, начали дружно и с видимой натугой загребать. Вода зажурчала громче. Борислав толкнул лопасть от себя, корабль ощутимо качнуло в сторону. Но ожидаемого толчка килем о берег все еще не было.

– Что тут за крики? – появился из надстройки Любовод, запахиваясь в теплый кафтан. – Деда Боря, ты что творишь?

– Берега нет, Любаша, – хрипло ответил кормчий. – В обе стороны рулил, саженой по сто от стремнины отошли. А тут в реке и десяти не наберется. Нет берега, и не видно ни зги.

– Может... – запнулся купец. – Может, затор впереди? Река разлилась?

– Как ни разливайся, а березки с макушкой-то не скроешь, Любаша. Опять же, кончатся пора Прикше. И Белой бы пора. ан ни Любытина, ни Меты не видать.

– Эй, колдун, – выбрался из-под полога Урий. – А скажи честному люду, что ты здесь вечор волхвовал? Уж не о тебе ли хозяйского сына вещий Аскорун упреждал? Ты куда нас загнал, колдун? Кому души наши продал?!

– Я? – растерялся Олег. – Да я же защитное заклинание творил...

Ш-ш-ш-ш-ш-ших-х-х – зловеще прошептало извлекаемое из ножен железо. И клинок обнаженный блеснул в руках еще вчера такого дружелюбного Хельги.

– Е-мое... – попятился Середин и уперся спиной в рукоять висящего на краю борта щита. – Честное слово, защитное делал...

Но тут он заметил на губах Урия злорадную усмешку, и в сознании словно щелкнул переключатель: ночь; сперва варяг стоял на носу, потом перешел на корму.

– Стойте!!! – Ведун вскочил на борт, задевая щиты ботинками, пробежался до деревянного «лебедя», провел рукой сверху... – Где он?! – Мгновенно улетучились сомнения, вернулась уверенность в своих силах. – Где мой обоженный на огне талисман?! И что это за сырая грязь?

Ведун швырнул в толпящихся на крышке трюма воинов шлепок сырой глины, прыгнул на палубу и, отпихнув попавшихся под ноги невольниц, проскочил под пологом.

– Это ты! – указал он пальцем на Урия. – Это ты, баран, кретин безмозглый, дерево тупое, ты талисманы ночью снял! Хотел...

Завершить свою мысль Олег не смог, поскольку варяг, взыв, как раненый медведь, выдернул меч и кинулся в атаку. Корабельщики шарахнулись в стороны, а ведун еле успел наклониться, проскользнуть под тяжелым клинком и, выдергивая саблю, сорвать с борта один из щитов.

– А-а-а! – Урий мутузил щит с такой силой, словно держал в руке не полупудовый меч, а легкую шпагу.

Удар – и одна из досок, из которых был собран щит, раскололась вдоль. Еще удар – и в руках Середина осталась только рукоять с двумя медными заклепками. Хорошо понимая, что легкой саблей остановить падающий на голову остро отточенный лом невозможно, ведун опять увернулся, сцапал другой щит. Как назло, все заклинания мгновенно выветрились из головы.

– А-а-а! – снова взревел варяг, кидая вперед свой клинок, и Олег еле успел прикрыться собранным из легких тополиных досок диском.

Однако неудачно: вертикальная рукоять, скрепляя две половины, вынуждала Середина держать доски горизонтально, и первый же тяжелый удар обломил верхний край до крепежной заклепки. Урий кинул меч поперек – ведун едва успел присесть, пропуская со свистом режущее воздух железо над головой, и, пользуясь моментом, попытался достать врага своим длинным клинком. Однако варяг с неожиданной ловкостью отскочил, снова рубанул из-за головы, нарушая все правила рубки на мечах, – и щит опять разлетелся на куски. Олег кинул обломки врагу в лицо, выигрывая драгоценные мгновенья, метнулся через палубу, распугав жмущихся в стороны зрителей, схватил еще один щит – на сегодня уже третий.

– Иди сюда! – Тяжело вколачивая ноги в корабль, двинулся за ним варяг, взмахнул мечом.

– А так... – Повернув щит досками вертикально, ведун подпернул его к себе, гася удар, и сверкающий клинок не разрубил диск в куски, а вошел в него сантиметров на двадцать, прочно застряв в дереве. Олег отпустил щит – неожиданная тяжесть дернула меч к палубе, и Середин, вложив в удар всю свою силу, толкнул саблю вперед в открывшееся тело.

Оружие вошло по самую рукоять – видимо, выйдя из тела с другой стороны. Ведун отступил, выдернул клинок и резко им взмахнул, стряхивая кровь. Варяг гулко упал на колени, оперся руками, пытаясь удержаться в вертикальном положении.

– Радомир... – прошептал он. – Радомир, прости...

Руки не удержали тяжести, согнулись в локтях. Урий упал лицом вниз, но смог найти в себе силы и перевернулся на спину. Нашел глазами купца:

– Любовод... Я не нарушил... Он меня оскорбил...

– Да, ты сдержал клятву, – подтвердил купец. – Твоя совесть чиста.

– Меч... Мой меч...

Олег поднял щит, грохнул им о палубу, освобождая засевший клинок, подобрал меч, вложил его рукоятью в руку варяга.

– Радомир... – улыбнулся воин, с неожиданной силой сжимая рукоять, и облегченно вздохнул.

– Душа ушла... – кивнул купец. – Не знаю, найдут ли жаворонки ее в этом тумане, но он умер с мечом в руке. Этого достаточно в благодарность за уничтоженные обереги. Теперь выбросите тело за борт и отмойте палубу от крови. Тризы не будет.

Любовод отошел к борту, положил ладонь на грудь, с силой ее потер.

– Как тут душно... Ведун, теперь ты сможешь избавить нас от этого проклятого тумана?

– Тумана?.. – Олег поднял глаза к небу, задумчиво потер подбородок. – Похоже, какая-то нечисть лишает нас света. А значит...

И опять в его душе появился уже знакомый азарт: получится, не получится?

– Ладно, пусть будет туман... А скажи мне, купец, ведь у тебя есть чернила?

– Сейчас...

Тело варяга с тяжелым плеском ухнулось за борт, безусый корабельщик выплеснул на палубу пару кожаных ведер воды, и еще не успевшая свернуться кровь безропотно потекла за борт.

– Вот, держи, ведун... – вернулся из своего сарая Любовод и протянул деревянный цилиндрок, закрытый пробкой. – Перо нужно?

– Давай. – Середин распотрошил верхнюю часть гусяного пера, отошел на сухое место, опустился на колени. Выдернул из чернильницы пробку, макнул внутрь верхнюю часть пера, решительным движением нарисовал почти правильный круг, внутрь вписал двойной крест. – Весь мир, на все концы света... – Он перевернул перо, ткнул в чернила его нижнюю, рабочую часть и принялся старательно, аккуратными буквами выписывать по окружности имена богов русской земли, одновременно наговаривая: – Встану на заре, выйду из дома, выйду красными дверьми, широкими воротами. Пойду в чисто поле, на высокий берег, на быстрый ветер. Красива заря в небесах, красива земля в ногах, силен ветер в волосах. Ой, вы, Сварог и Сваргиня, Лад и Лилия, Бел-бог и Белгиня, ой, ты матушка Триглава и прекрасная Макошь. Вы ли мир создавали, детушками населяли. Так покажите нам воду глубокую, небо высокое, берег далекий...

Вписав последнее имя, Олег поднял голову. Туман продолжал стоять, словно непробиваемая стена. Корабельщики томились у бортов в ожидании чуда, переминались, облизывали пересохшие губы. Туман оставался на месте, и это означало, что что-то сделано не так.

– Мир создавали, детишками насел ял и... – тихо проговорил про себя Середин, и его осенило: душа! В раскрывающем глаза знаке не хватало символа души! – Мне нужна кровь! Кровь невинного человека!

Воины непонимающе переглянулись.

– Кровь невинного человека... – лихорадочно соображал ведун. – Невинного... Электрическая сила! Невинного... Невольницы! Они подойдут!

– Невольницы? Невинные? – не поверил своим ушам кто-то из варягов.

– Да! – раздраженно рявкнул Олег. – На них нет греха убийства и насилия! Он на вас. Тащите их сюда!

Сразу несколько человек кинулись на нос, оттуда донесся жалобный вой. Мгновение спустя к выписанному на палубе знаку приволокли сразу обеих рабынь, почему-то обнаженных.

– Нет! Не нужно! Пощадите! Не надо, прошу вас! – кричали они на два голоса, но мужчины умело поставили их на колени, вынудив склониться над кругом. Хельга выхватил меч, прижал клинок к горлу одной из жертв:

– Куда резать?

– Не надо! – По лицу женщины текли крупные слезы. – Нет, прошу, умоляю...

– Ты чего? – несколько опешил Середин. – Зачем горло? Хватит пары капель!

– Да? – На лице варяга появилось выражение искренней обиды.

– Конечно. Ты же весь оберег кровью смоешь. Пару капель – сюда, в центр креста.

Воин перехватил руку невольницы у локтя, вытянул вперед, чиркнул лезвием по тыльной стороне ладони, перевернул ее разрезом вниз. Женщина, тихонько всхлипывая, не сопротивлялась.

– Встану на заре, выйду из дома... – торопливо забормотал ведун, – ... небо высокое, берег далекий... Открой!

Крупная капля отделилась от руки, упала вниз, расплескавшись в стороны десятком крохотных точек, и с окружающего мира словно сдернули покрывало...

– Ура-а-а!!! – взревели два десятка луженых глоток.

– А ты молоток, ведун, – тихо добавил Олег, и гордость, которую он испытывал в этот момент, стоила куда дороже даже десятикратного оклада воина судовой рати.

Правда, крик радости погас довольно быстро, поскольку люди обнаружили, что находятся в самом центре большого вытянутого озера. В свете безоблачного дня были хорошо различимы серые просторы болот вдоль широких берегов водоема, узкие же окаймлялись лесными опушками.

– Клянусь валгаллой, – пробормотал Хельга. – Колдун, куда ты закинул нас на этот раз?

– Я знаю, куда, – неожиданно подал голос Борислав. – Несколько лет назад мы отсиживались здесь от полочан, когда взяли у них несколько ладных девок и десяток ребятишек на продажу. Это Паницкое озеро. Отсюда протока до Меты идет, часа три ходу. Деревня Кривое Колено верстах в пяти за топью будет. А до Ильменя два дня пути.

– Жарко-то как, – скинул кафтан купец. – Может, искупаемся, да и тронемся во имя Хорса?

– Куда тут, Любаша? – покачал головой кормчий. – Глубина тут неведомая, а по берегам – топи. Нехорошее здесь место. Потому и не селится никто.

– А я хочу! – упрямо топнул ногой хозяин.

– Э-э, ты чего, братишка? – Середин подошел к купцу, осторожно обнял за плечи, отвел в кормовую надстройку и уложил на ковер. Налил из стоящего на сундуке кувшина кружку вина, поднес к губам: – Вот, выпей маленько. И отдохни.

– Хватит валяться, бездельники, – слышался снаружи зычный голос кормчего. – А ну, хватай мачту, да в гнездо опускай! Хватит болтаться, как дохлая крыса на воде, пора и парус на ветру проветрить!

– Как душно, – откинул голову на ковер Любовод. – Ведун, сделай милость, откинь полог.

Олег, выйдя из надстройки, зашвырнул тяжелый шерстяной полог, заменявший дверь, на крышу сарая. Оглянулся. Купец, тяжело дыша, закрыл глаза.

На палубе тем временем корабельщики заканчивали устанавливать мачту с похожей на трезубец верхушкой: четверо привязывали растяжки на носу и корме, еще двое деревянными колышками закрепляли основание в гнезде перед крышкой трюма. Парнишка, ночью заменявший кормчего, не дожидаясь конца работ, уже лез наверх с двумя хорошими веревками в зубах. Оставшиеся корабельщики тем временем подносили толстую – с человеческое бедро – балку, к которой несколькими шнурками была прихвачена парусина.

– Держи! – Мальчишка перекинул веревки через выемки трезубца, бросил концы вниз, заскользил следом.

Корабельщики распустили шнурки, дружно отбежали назад, к надстройке, схватились за веревки.

– А ну, дружно!

Они потянули в десять рук. Поперечный брус дрогнул и пополз вверх, вытягивая за собой серо-коричневый парус с огромным, вписанным в круг, крестом, концы которого оканчивались птичьими лапами. Ткань пару раз недовольно хлопнула, словно просыпаясь, после чего выгнулась под напором ветра, туго натянув привязанные от углов к борту прочные пеньковые канаты. Натужно скрипнула мачта, слегка наклонилась вперед. Из-за борта слышался сперва шорох, потом плеск, который быстро перешел в торопливое журчание.

– Милостью Сварога али злобою ночной Сречи, однако же любытинскому боярину нас не видать, – сообщил кормчий, правя корабль носом на солнце.

– Не может быть, деда, – удивился парнишка-кормчий. – Как же мы мимо прошли?

– А кто его знает, – пожал плечами Борислав. – Видать, есть путь и помимо Меты. Вязи здесь неоглядные. Коли здешнее болото до самых Тихорских топей тянется, так и не удивлюсь. Сиречь, одна и та же трясина и есть.

Середин увидел, как купец зашевелился, встал. Двинулся наружу. Олег хлопнул по плечу ближнего воина, жестом поманил за собой и двинулся в сторону хозяина корабля.

– Я так разумею, деда Боря, – с умным видом разглагольствовал паренек, – мы в тумане в протоку какую попали. Что сверху слегка заросла, но плыть все-таки не мешала.

– А я так мыслю, – ответил кормчий. – что негоже странность сию поминать, коли не хочешь на наши головы новую напасть накликать. Побаловала нечисть, да отпустила. За то Стрибогу наш поклон, а Сварогу уважение.

Любовод остановился у борта, замороженно глядя в бегущую мимо воду, начал наклоняться вперед.

– Держи! – Олег первым метнулся вперед, сбил его на палубу, не дав кувырнуться наружу, и прижал к доскам.

– Жарко! – заметался купец. – Жарко, пусти! Хочу воды! Пустите! Воды хочу.

– Да держи же ты! – рыкнул на варяга Середин. – А то вырвется и в воду сиганет. Похоже, жар у него. В прохладу, за борт тянет. За ноги бери, помоги в каюту оттащить.

Вдвоем они донесли мечущегося, словно в беспамятстве, парня назад в надстройку, положили на ковры.

– Пустите! – продолжал вырываться Любовод. – Купаться хочу... Жарко... Душно, пустите.

– Уксусом его растереть нужно, – предложил воин. – Потом укрыть и бабу подложить, дабы согрела.

– А есть уксус-то?

– У деда Бори надобно спросить, он про товар более моего ведает.

– Жарко! – неожиданно выгнулся дугой купец. От неожиданного толчка Середин отлетел в угол – а когда снова вскочил на ноги, то увидел, что Любовада уже в дверях поймал варяг, обхватив сзади за грудь и удерживая на весу.

– Пстой, хозяин... Ты куда...

Ведун подбежал на помощь, и вдвоем они снова уложили купца на ковер.

– Тебя как звать-то? – переводя дух спросил Олег.

– Оскаром, колдун.

– Я не колдун, просто ведаю поболее вашего, – мотнул головой Середин. – Так что с хозяином делать станем, Оскар? Я смотрю, от жара совсем обезумел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/slovo-voina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)